

ТЕННЕССИ
УИЛЬЯМС

Орфей спускается в ад

✦ ЗАРУБЕЖНАЯ КЛАССИКА ✦

Зарубежная классика (АСТ)

Теннесси Уильямс
Орфей спускается в ад

«Издательство АСТ»

1940, 1959, 1961, 1948

УДК 821.111-2(73)

ББК 84(7Coe)-6

Уильямс Т.

Орфей спускается в ад / Т. Уильямс — «Издательство АСТ»,
1940, 1959, 1961, 1948 — (Зарубежная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-153259-8

Дорога заносит молодого бродягу-музыканта в маленький городок, где скелеты в шкафах приличных семейств исчисляются десятками, кипят исступленные страсти и зреют семена преступлений... Стареющая, спивающаяся актриса и ее временный дружок-жиголо абсолютно несчастны и изощренно отравляют жизнь друг другу. Но если бывшая звезда способна жить лишь прошлым, то альфонс лелеет планы на лучшее будущее... В мексиканской гостинице красавицы-вдовушки собралась своеобразная компания туристов. Их гид – бывший протестантский священник, переживший нервный срыв, – оказался в центре внимания сразу нескольких дам... Дочь священника с детства влюблена в молодого человека, буквально одержимого внутренними демонами. Он отвечает ей взаимностью, но оба они не замечают, как постепенно рвущаяся из него жестокая тьма оставляет отпечаток на ее жизни... В этот сборник вошли четыре легендарные пьесы Теннесси Уильямса: «Орфей спускается в ад», «Сладкоголосая птица юности», «Ночь игуаны» и «Лето и дыхание зимы», объединенные темами разрушительной любви и пугающего одиночества в толпе.

УДК 821.111-2(73)

ББК 84(7Coe)-6

ISBN 978-5-17-153259-8

© Уильямс Т., 1940, 1959, 1961, 1948
© Издательство АСТ, 1940, 1959, 1961,
1948

Содержание

Орфей спускается в ад	7
Действие первое	8
Пролог	8
Картина первая	12
Картина вторая	21
Действие второе	27
Картина первая	27
Картина вторая	35
Картина третья	38
Картина четвертая	41
Действие третье	44
Картина первая	44
Картина вторая	47
Картина третья	51
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Теннесси Уильямс

Орфей спускается в ад

Сборник

Tennessee Williams ORPHEUS DESCENDING
SWEET BIRD OF YOUTH
THE NIGHT OF THE IGUANA
SUMMER AND SMOKE

© Tennessee Williams, 1940, 1959, 1961, 1948
© Перевод. Е. Токарев, 2023
© Перевод. Г. Злобин, наследники, 2023
© Перевод, стихи. Н. Сидемон-Эристави, 2023
© Издание на русском языке AST Publishers, 2023

* * *

Орфей спускается в ад

Действующие лица

Долли Хэмма.

Бьюла Биннингс.

Коротыш Биннингс.

Пёсик Хэмма.

Кэрол Катрир.

Ева Темпл.

Систер Темпл.

Дядюшка Плезент.

Вэл Зевьер.

Ви Талботт.

Лейди Торренс.

Джейб Торренс.

Шериф Талботт.

Дубинский.

Женщина.

Дэвид Катрир.

Сиделка Портер.

Первый Мужчина.

Второй Мужчина.

Действие первое

Пролог

Схематично выполненная декорация изображает интерьер универсального магазина и примыкающей к нему кондитерской в небольшом городке на юге США. Высокие стены, потемневшие у верха, словно тронуты сыростью и паутиной. За расположенным в глубине сцены запыленным окном – тревожная пустота, переходящая в сгущающиеся сумерки. Действие пьесы разворачивается в сезон дождей, ранней весной, из-за чего окно иногда делается вовсе не прозрачным и отсвечивает серебристой пеленой капель. На окне старомодным шрифтом золочеными буквами написано: «УНИВЕРСАЛЬНЫЙ МАГАЗИН ТОРРЕНСА».

Товары обозначены очень скупо и условно. Вертикально стоят рулоны намотанных на большие катушки хлопчатобумажных тканей, к тоненькой белой колонне зачем-то прислонен черный портновский манекен. Под потолком – неподвижный вентилятор со свисающими с него полосками клейкой бумаги от мух.

К лестничной площадке ведут несколько ступенек и пропадают вверх. На самой площадке стоит мрачного вида искусственная пальма в зеленовато-коричневом ящике для цветов.

Однако кондитерская, частично виднеющаяся за широкой арочной дверью, находится в романтическом полумраке, словно некий скрытый подтекст пьесы.

Другое, куда меньшее по размерам сценическое пространство, находится в нише, где помещается крохотная спальня. Ниша обычно задернута занавеской с выцветшим рисунком в восточном стиле, изображающим золотое дерево с ярко-красными плодами и фантастическими птицами.

При поднятии занавеса две молодящиеся женщины средних лет, Долли и Бьюла, накрывают легкий ужин а-ля фуриет на двух принесенных из кондитерской столиках со столешницами из мрамора с серыми и розовыми прожилками и с изящно изогнутыми черными железными ножками. Обе они – жены мелких плантаторов, разодетые в безвкусовые цветастые наряды.

Вдалеке слышится гудок поезда, в ответ на который в разных местах раздается собачий лай. Женщины замирают у столиков, а затем с резкими криками бросаются к арочной двери.

Долли. Коротыш!

Бьюла. Пёсик!

Долли. Скорый прибывает на станцию!

Бьюла. Быстрее туда, встречать поезд!

Тяжело шагая, появляются их мужья – грузные краснолицые мужчины в обтягивающей или мешковатой одежде и заляпанных грязью ботинках.

Коротыш. Я скормил «однорукому бандиту» сотню пятаков, а он выдал обратно только пять.

Пёсик. Наверное, несварение у него.

Коротыш. Поговорю-ка я с Джейбом насчет этих автоматов.

Мужчины выходят, раздается звук заведенного двигателя, который затем удаляется.

Долли. Похоже, у Джейба есть заботы поважнее, чем «однорукие бандиты» и бильярдные автоматы в кондитерской.

Бьюла. Сущая правда. Ходила я тут к доктору Джонни насчет Пёсика. У него снова сахар в моче. И, уже прощаясь, спросила у доктора, как прошла операция, та, что Джейбу Торренсу делали в Мемфисе. Ну, и...

Долли. И что же он ответил, Бьюла?

Бьюла. Самое ужасное, что только может сказать врач!

Долли. А именно?

Бьюла. Вообще ничего, ни единого словечка не произнес! Только взглянул на меня своими огромными темными глазами и головой покачал. Вот так!

Долли (*с мрачным удовлетворением*). Похоже, одним кивком он подписал Джейбу Торренсу смертный приговор.

Бьюла. Вот и я о том же подумала. По-моему, они его разрезали... (*Умолкает, чтобы попробовать что-то со стола.*)

Долли. И сразу обратно зашили! Так я слышала...

Бьюла. Не знала, что эти маслины с косточками!

Долли. А ты думала, они с начинкой?

Бьюла. Ну да. А где сестры Темпл?

Долли. Где ж им быть, по-твоему?

Бьюла. Шныряют где-нибудь наверху. Если Лейди их поймает, то покажет этим старым девам, где раки зимуют! Недаром же она итальянка!

Долли. Ха-ха, недаром! Верно сказано, дорогая... (*Выглядывает за дверь на проезжающую машину.*) Ну, я сама поразилась, когда поднялась наверх!

Бьюла. Наверх?

Долли. Наверх, и ты ведь тоже там была, потому как я тебя видела, Бьюла.

Бьюла. А я и не говорю, что не была там. Любопытство – оно в породе человеческой.

Долли. У них там отдельные спальни, и даже не рядом. Они в разных концах коридора, а вокруг сплошная темень и грязь! Знаешь, на что это походит? На окружную тюрьму! Богом клянусь, никогда бы не подумала, что *так* могут жить белые люди! Вот так штука...

Бьюла. Да и неудивительно. Ведь Джейб Торренс купил эту женщину.

Долли. Купил?

Бьюла. Да, купил, когда она была восемнадцатилетней девчонкой! Купил, причем дешево, потому что ее бросил с разбитым сердцем этот (*резко поворачивает голову вслед проезжающей машине и продолжает*) парень по фамилии Катрир... Ох, какой же он... м-м-м... красавчик был... А они встретились, и словно камень о камень – так и вспыхнуло! Да... Вспыхнуло...

Долли. Что-что?

Бьюла. Огонь! Ха... (*Чиркает спичкой и зажигает свечу в одном из подсвечников. Слышатся нарастающие звуки мандолины. Последующий монолог должен произноситься как откровение, адресованное зрителям и всецело завладевающее их вниманием. Долли не остается в сценическом пространстве, и после нескольких первых предложений исчезает всякое восприятие диалога между персонажами.*) Ну, было это давно, задолго до того, как вы с Пёсиком переехали в Двуречное графство. Хотя, может, что-то и слышали. Отец Лейди был макаронником из Италии, и когда он только-только сюда явился, то принес с собой лишь мандолину да обезьянку в зеленом бархатном костюмчике – ха-ха. Он играл в кабаках за четвертные и гривенники – еще до сухого закона... Его прозвали Итальяшкой, имени его никто не знал, вот и пристало к нему: Итальяшка да Итальяшка...

Долли (*тихо*). Ах-ха-ха...

Бьюла присаживается на стул и, чуть подавшись вперед, напряженно смотрит в зал, всецело завладевая вниманием зрителей. В ее интонациях грусть воспоминаний, и при первых

признаках беспокойства публики она встает и выходит на авансцену. Этот монолог должен задать условную тональность всей постановке.

Бьюла. Подумать только, вот таким был папаша Лейди! Потом грянул сухой закон, и никто и ахнуть не успел, как Италияшка принялся толкать из-под полы выпивку, будто всю жизнь только этим и занимался! Он по дешевке купил участок земли на северном берегу Лунного озера. Там проходило высохшее речное русло, а люди боялись, что однажды река снова хлынет туда, потому и отдали за бесценок... *(Придвигает стул ближе к авансцене.)* Разбил там сад, весь северный берег засадил виноградниками и фруктовыми деревьями. Потом поставил беседок, маленьких таких деревянных белых беседок со столиками и скамейками, где можно было выпить и прочее... ха-ха! А весной и летом молодые парочки вроде нас с Коротышом зааживали туда, чтобы уединиться, ха-ха, да и не только! Ха-ха!.. Тогда в округе достать спиртное было негде, не то, что теперь. Нынче-то полметра сойди с дороги, свистни три раза, и тут же из кустов выскочит негр с бутылкой маисовой водки!

Долли. И то правда, ха-ха!

Бьюла. В то время по всей округе и вправду негде было взять выпивку, вообще нигде, только на винограднике у Италияшки. И мы ходили к нему, попивали красное итальянское винишко в беседках, где откалывали такое... Вот помню, однажды в воскресенье старый доктор Тукер, тогдашний наш методистский пастор, чуть удар не схлопотал, когда с амвона распекал Италияшку!

Долли. Господи, помилуй!

Бьюла. Да-да, мэм! В каждой белой беседке стояло по лампе, и тут, и там, одна за другой лампы эти гасли, когда парочки принимались миловаться...

Долли. Ой-ёй!..

Бьюла. И там можно было услышать преинтересные звуки – вскрики, плач, шепот, стоны, смешки... *(Ее голос звучит тише из-за нахлынувших воспоминаний.)* А потом одна за другой лампы снова зажигались, и Италияшка с дочкой играли и пели итальянские песни... *(Мандолина звучит громче, голос поет «Скажите, девушки, подружке вашей».)* Но иногда Италияшка принимался искать дочку, а та внезапно исчезала!

Долли. И где же она была?

Бьюла. Да с Дэвидом Катриром.

Долли. О-о! Ха-ха-ха...

Бьюла. ...старшим братом Кэрл Катрир. Они с Лейди частенько прятались в саду, а старый папашка-Италияшка все орал: «Лейди, Лейди!» И ни словечка в ответ, как бы долго и громко он ее ни звал...

Долли. Ну, сдается мне, нелегко откликнуться «Папа, я здесь!», когда тебя обнимает любимый!

Бьюла. Так вот, той весной, нет, попозже, летом это было... *(Долли снова выходит из сценического пространства.)* ...Папашка-Италияшка совершил роковую ошибку. Начал продавать выпивку неграм. А ревнителю порядка зевать не стали. Нагрянули как-то ночью с баками горячего – а лето засушливое выдалось – да и запалили! Всё дотла сожгли: виноградники, беседки, деревья фруктовые. Мы с Коротышом были в танцзале на другом берегу озера и видели, как все запылало. Через десять минут весь северный берег превратился в море пламени, и оттуда по всему озеру разносился вой Италияшки: «Пожар! Пожар! Пожар!» А то люди без него не знали, ведь все небо пылало багровым заревом, что твое красное вино! Ха-ха-ха... И ни одной пожарной машины, ни одной не выехало из пожарной части Двуречного графства! Бедный Италияшка... Старикан схватил одеяло, бросился в сад в одиночку огонь тушить, да так и сгорел заживо... Да-да! Заживо сгорел...

Звуки мандолины обрываются на полутакте. Долли возвращается к столу выпить кофе.

Знаешь, о чем я иногда думаю?

Долли. Нет, о чем?

Бьюла. Я иногда думаю-гадаю, подозревает ли Лейди, что ее муж, Джейб Торренс, был вожаком ревнителей порядка в ту ночь, когда ее отца сожгли в виноградниках на берегу Лунного озера!

Долли. Бьюла Биннингс, от одной мысли об этом у меня кровь стынет в жилах! Как она могла двадцать лет прожить замужем за этим человеком, если бы знала, что тот сжег ее отца?

Вдалеке лает собака.

Бьюла. Могла, могла – ненавидя. Люди могут долго прожить бок о бок, ненавидя друг дружку. Приглядишься – они же жадные до денег. Я всегда подмечаю: когда муж с женой друг дружку не любят, они становятся жадными до денег. Никогда такого не замечала? Конечно же, замечала. Немного нынче пар, что весь век живут душа в душу. Так вот, иные до того доходят, что еле-еле друг дружку переносят. Разве не так?

Долли. Истинная правда, прямо как из Писания!

Бьюла. Еле-еле друг дружку выносят, а некоторые и до этого не доходят. Знаешь, Долли Хэмма, похоже, половина мужей-самоубийц в нашем округе вовсе не наложила на себя руки, как утверждает судебный следователь!

Долли (*искренне восхищаясь остроумием Бьюлы*). Дорогая, ты думаешь, что это женушки спровадили их к праотцам?

Бьюла. Я не думаю, я знаю. Ведь есть же пары, Долли, где людей воротит и тошнит от одного вида, запаха или голоса спутника жизни еще до того, как они прокомпостируют обратный билет во время свадебного путешествия.

Долли. Верить не хочется, а приходится.

Бьюла. Но они держатся друг за дружку.

Долли. Верно, держатся.

Бьюла. И так год за годом, год за годом, копят деньги и всякое имущество, наживают себе богатство, уважение и положение везде – в городке, в округе, в столице. В церкви, куда ходят, в клубе, который посещают – везде-везде. И ни одна живая душа не ведает, что они моют руки, прикоснувшись к тому, чего только что касались пальцы благоверной или благоверного! Ха-ха-ха-ха!...

Долли. Бьюла, у тебя такой зловещий смех, что прямо жуть!

Бьюла (*громче*). Ха-ха-ха-ха! Но ты же знаешь, что это правда.

Долли (*кивает зрителям*). Да, правду она говорит.

Бьюла. Потом у кого-то... случается... рак или... или удар какой... или еще что-то... А другой или другая...

Долли. ...забирает себе добычу?

Бьюла. В точку – забирает добычу! Боже ты мой, это надо видеть, как он или она расцветает. Новый дом, новая машина, новая одежда. Некоторые даже церковь меняют! Если это вдова, то заводит себе кавалера помоложе, а если вдовец, то начинает увиваться за какой-нибудь пташечкой, ха-ха-ха! Вот я так прямо и сказала Лейди сегодня утром, прежде чем она уехала в Мемфис, чтобы забрать Джейба домой: «Лейди, похоже, вы не откроете кондитерскую, пока Джейб окончательно не оправится после операции». А она отвечает: «Нельзя тянуть с открытием на такой долгий срок». Прямо так и сказала. Нельзя тянуть с открытием на такой долгий срок. Слишком много туда вложено. Там нужно все отремонтировать, заново отделать и открыть точно по расписанию в Страстную субботу. Почему? Да потому! Она знает, что Джейб вот-вот умрет, и хочет побыстрее навести в делах полный порядок!

Долли. Мысль ужасная, но верная. Почти все ужасные мысли – верные.

Женщины вздрагивают от внезапного смеха из задней части сцены. Освещение меняется, обозначая конец пролога.

Картина первая

Женщины оборачиваются и видят в арке между магазином и кондитерской Кэрол Катрир. Ей чуть за тридцать; Кэрол не назовешь хорошенькой, но она обладает какой-то странной неуловимой красотой, которая подчеркивается почти гротескным стилем наложения макияжа, коим танцовщица по имени Валли недавно поразила французскую и итальянскую богему. Лицо и губы напудрены до белизны, еще больше подчеркиваемой подведенными черным ресницами и накрашенными синим веками. Ее семья – одна из старейших и именитых в округе.

Бьюла. Похоже, кто-то не знает, что магазин закрыт.

Долли. Бьюла?

Бьюла. Что?

Долли. Вот ты можешь понять, зачем люди так размалевываются?

Бьюла. Некоторым нужно выпендриться – хоть тресни, а надо чем-то к себе внимание привлечь.

Долли. Уж мне такое внимание точно не нужно. Не надо мне его...

Во время этого диалога, достаточно громкого для того, чтобы Кэрол его слышала, она подходит к телефону-автомату и опускает монетку.

Кэрол. Дайте Тулейн 0370 в Новом Орлеане. Что? Ой, обождите минуточку.

По лестнице медленно, словно испытывая от появления Кэрол благоговейный страх, спускается Ева Темпл. Кэрол со звоном открывает кассу, берет несколько монет, возвращается и опускает их в телефон-автомат.

Бьюла. Она взяла деньги из кассы.

Ева проходит мимо Кэрол, как испуганный ребенок мимо клетки со львом.

Кэрол. Здравствуйте, Систер.

Ева. Я Ева.

Кэрол. Здравствуйте, Ева.

Ева. Здравствуйте... *(Затем громким шепотом Бьюле и Долли.)* Она взяла деньги из кассы.

Долли. Ой, да она делает все, что заблагорассудится, она ведь Катрир!

Бьюла. Т-ш-ш...

Ева. А что это она босиком?

Бьюла. Говорят, когда ее в последний раз арестовали на улице, она была в пальто на голое тело.

Кэрол *(телефонистке).* Жду. *(Затем женщинам.)* У меня каблук попал между прогнившими досками тротуара и сразу же сломался. *(Поднимает руку, в которой держит туфли.)* Говорят, что если утром сломаешь каблук, то до заката встретишь любовь всей своей жизни. Но когда я сломала каблук, уже стемнело. Может, это значит, что я встречу любовь своей жизни до рассвета. *(У нее на удивление звонкий голос, как у ребенка. На лестничной площадке появляется Систер Темпл со старой вафельницей в руках.)*

Систер. Это они?

Ева. Нет, это Кэрол Катрир!

Кэрол *(в трубку).* Пожалуйста, вызывайте еще, он, наверное, пьяный.

Систер проходит мимо нее так же, как Ева.

Иногда приходится долго пробираться между мебелью в гостиной...

Систер. Она опять вырядилась?

Ева. Угу!

Кэрол. Берти? Это Кэрол! Привет, дорогой! Ты обо что-то споткнулся? Я слышала грохот. Ну, выезжаю прямо сейчас, уже на шоссе. Все улажено, «пособие» получила при условии, что никогда не стану даже приближаться к Двуречному графству! Пришлось их немного пошантажировать. Явилась на ужин с накрашенными глазами в своем черном жакете с блестками, а Бетси Бу, невестушка моя, спросила: «Кэрол, ты на бал-маскарад собираешься?» А я отвечаю: «Ой, нет, собираюсь прокатиться с ветерком по шоссе отсюда до Мемфиса, как в те времена, когда я тут жила». Так вот, дорогой, она пулей вылетела из столовой и вернулась с чеком, на котором еще чернила не высохли! Я буду получать чеки каждый месяц, покамест стану держаться подальше от Двуречного графства... *(Весело смеется.)* Как Джеки? Дай ему Бог здоровья, крепко поцелуй его за меня. Ой, милый, мчусь прямо к тебе, даже попутчиков подсаживать не буду, разве что тебе кого-нибудь привезти! Встретимся в баре «Свет звезд», прежде чем он закроется, или если я уж совсем бессовестно опоздаю, то выпью с тобой кофейку в «Будильнике» до того, как закроются на день все ночные забегаловки... Я... Берти? Берти? *(Неуверенно смеется и вешает трубку.)* Так, посмотрим, что еще... *(Достает из кармана пальто револьвер и направляется к прилавку, чтобы зарядить его.)*

Ева. Что она ищет?

Систер. У нее спроси.

Ева *(приближаясь)*. Кэрол, что вы ищете?

Кэрол. Патроны для револьвера.

Долли. У нее нет разрешения на ношение оружия.

Бьюла. У нее и водительских прав нет.

Кэрол. Если я кого-то встречу, он не застанет меня врасплох.

Долли. Надо сообщить об этом шерифу Талботту, когда он вернется со станции.

Кэрол. Вот вы ему и сообщите, дамочки. Я его уже предупредила, что если он еще хоть раз попытается остановить меня на шоссе, я его пристрелю...

Бьюла. Когда у кого-то неприятности с законом...

Ее прерывает панический визг Евы, тотчас подхваченный Систер. Обе сестры кое-как взбегают на лестничную площадку. Долли тоже вскрикивает и отворачивается, закрыв руками лицо. В магазин входит темнокожий колдун. Его лохмотья пестро украшены множественным талисманов и амулетов из ракушек, костей и перьев. Его иссиня-черная кожа покрыта нарисованными белой краской магическими знаками.

Долли. Выведите его, выведите, он сглазит моего ребенка!

Бьюла. Ой, тише ты, Долли...

Долли бросается на лестничную площадку вслед за сестрами Темпл. Колдун приближается, быстро и неразборчиво что-то бормоча беззубым ртом, издавая звуки, похожие на шелест сухой травы на ветру. В его вытянутой вперед дрожащей руке что-то зажато.

Это же просто безумный старик-колдун с Синей горы. Он не сглазит твоего ребенка.

Когда темнокожий появляется под софитом, звучит примитивная музыка или короткое соло ударных. Бьюла вслед за Долли поднимается на площадку.

Кэрол *(очень звонким и чистым голосом)*. Идите сюда, дядюшка, дайте-ка взглянуть, что тут у вас. А, какая-то косточка. Нет, не хочу ее касаться, она еще не чистая, на ней еще кусочки мяса.

Женщины издают возгласы отвращения.

Да, знаю, это птичья грудная кость, но она еще тронута тлением. Пусть подольше полежит на голом камне под дождем и солнцем, пока не выгорят все остатки тления и не смоются прочь. И тогда из нее выйдет добрый амулет для белой магии, а сейчас она годится только для черной, дядюшка. Так что унесите ее и сделайте, как я сказала...

Темнокожий благодарно кланяется и медленно шаркает в сторону двери.

Эй, дядюшка Плезент, прокричи нам клич Чоктоу.

Темнокожий останавливается в кондитерской.

Он наполовину Чоктоу и знает клич этого племени.

Систер Темпл. Не давайте ему здесь орать!

Кэрол. Ну же, дядюшка Плезент, ты же знаешь этот клич!

Она снимает пальто, присаживается на подоконник справа и сама заводит клич. Темнокожий запрокидывает голову и завершает его: это череда лающих звуков, все более высоких и напряженно-громких. Женщины на площадке пятятся все дальше вверх. И в этот момент, словно вызванный этим кличем, в магазин заходит Вэл. Это молодой человек лет тридцати, обладающий некоей дикой красотой, будто бы родственной звучащему кличу. Он не в джинсах и не в футболке, на нем мешковато сидящие темные саржевые брюки, лоснящиеся от долгой носки. Сразу бросается в глаза куртка из змеиной кожи с белыми, черными и серыми переливами. В руке он держит испещренную надписями гитару.

Кэрол (глядя на молодого человека). Спасибо, дядюшка...

Бьюла. Эй, ты, старик! Чоктоу! Колдун! Черномазый! Валил бы ты отсюда, а? А то нам вниз спуститься надо.

Кэрол протягивает темнокожему доллар, тот выходит, кудахча себе под нос. Вэл придерживает дверь, пропуская в магазин Ви Талбот т, грузную, рыхлую женщину чуть за сорок. Она пишет маслом картины в стиле примитивизма и держит в руках одну из своих работ.

Ви. Зацепилась юбкой за дверцу «шевроле» и, боюсь, порвала ее.

Женщины спускаются в магазин. Короткие приветствия, все внимание сосредоточено на Вэле.

Тут темно, или у меня зрение садится? Весь день писала, картину закончила за десять часов, лишь прерывалась на несколько минут, чтобы выпить кофе, а потом опять за работу, пока перед глазами ясно. Думаю, на этот раз у меня получилось. Но устала так, что еле на ногах стою. Ничто так не выматывает, как эта работа, устает не то чтобы тело, но внутри вся словно выжатая. Понимаете, о чем я? Внутри вся выжатая. Да, но зато! Чувствуешь, что что-то совершила, когда заканчиваешь работу, а иногда... такой подъем! Как поживаете, Долли?

Долли. Хорошо, миссис Талботт.

Ви. Отлично. А вы, Бьюла?

Бьюла. О, вроде бы неплохо.

Ви. По-прежнему почти ничего не вижу. А это кто там? (Показывает на стоящую у окна фигуру Кэрол. Повисает многозначительное молчание. Ви внезапно восклицает.) Ой! А я-то думала, что ее родня выставила ее из округа...

Кэрол издает еле слышный и немного грустный смешок. Вновь переводит взгляд на Вэла, когда идет в кондитерскую.

Джейб и Лейди вернулись?

Долли. Коротыш и Пёсик уехали на станцию их встречать.

Ви. А-а, значит, я вовремя. Принесла свою новую картину, на ней еще краски не высохли. Решила, что Лейди захочет повесить ее в спальне Джейба на время, пока он восстанавливается после операции, поскольку после того, как посмотришь смерти в глаза, людям хочется вспомнить о чем-то духовном. А? Да! Это вознесение Святого Духа...

Долли (глядя на холст). Вы голову не пририсовали.

Ви. Голова – это вспышка света, она так мне привиделась.

Долли. А что это с вами за молодой человек?

Ви. Ах, извините. Так устала, что позабыла о приличиях. Это мистер Вэлентайн Зевьер. Это миссис Хэмма и миссис... Простите, Бьюла, все время вашу фамилию забываю.

Бьюла. Прощаю. Меня зовут Бьюла Биннингс.

Вэл. А это куда девать?

Ви. Ах да, это шербет. Я решила, что Джейбу надо будет съесть что-нибудь легкое и необременительное, вот и прихватила вазочку с шербетом.

Долли. А с каким?

Ви. С ананасным.

Долли. Ой, обожаю ананасный. Надо бы его в холодильник поставить, пока не подтаял.

Бьюла (*заглядывая под прикрывающую вазочку салфетку*). Боюсь, слишком поздно.

Долли. Ой, уже растаял?

Бьюла. До жижицы.

Ви. Ах, какая незадача. Давайте все-таки поставим его на лед, может, загустеет.

Женщины продолжают разглядывать Вэла.

Где холодильник?

Бьюла. В кондитерской.

Ви. А я думала, что Лейди ее закрыла.

Бьюла. Закрыла, но холодильник остался.

Вэл заходит в кондитерскую.

Ви. Мистер Зевьер не из наших краев. Прошлым вечером у него во время грозы сломалась машина, и я позволила ему переночевать в камере для задержанных. Он ищет работу, и я решила привести его к Лейди и Джейбу, поскольку, если Джейб не сможет больше работать, им наверняка понадобится помощник в магазине.

Бьюла. Отличная мысль.

Долли. Угу.

Бьюла. Что ж, тогда проходите. Похоже, они со станции не сразу отправились домой.

Долли. Может, это и не скорый был.

Бьюла. А, может, они заглянули куда-нибудь по дороге, чтобы Коротыш купил выпить.

Долли. Ну да... К Руби Лайтфут.

Они проходят мимо Кэрол и скрываются из виду. Кэрол встает и проходит в магазин, рассматривает Вэла с откровенным, почти детским любопытством. Тот не обращает на нее внимания, всецело занятый починкой пряжки от ремня перочинным ножом.

Кэрол. Что вы там чините?

Вэл. Пряжку.

Кэрол. Ребята вроде вас вечно что-то чинят. Туфлю мне не почините?

Вэл. А что с туфлей?

Кэрол. Почему вы делаете вид, что не помните меня?

Вэл. Трудно вспомнить человека, с которым никогда не встречался.

Кэрол. Тогда почему вы так испугались, когда увидели меня?

Вэл. Разве?

Кэрол. Мне на секунду показалось, что вы убежите.

Вэл. При виде женщины я могу прибавить шагу, но вот бежать вроде не приходилось... Вы мне свет загоразиваете.

Кэрол (*делая шаг в сторону*). Ой, извините. Так лучше?

Вэл. Спасибо...

Кэрол. Боитесь, что донесу?

Вэл. Что-что?

Кэрол. Что донесу? Нет, я не стукачка. Но если надо, то смогу доказать, что я вас знаю. Это было на Новый год в Новом Орлеане.

Вэл. Мне бы плоскогубцы...

Кэрол. На вас была эта куртка, а на руке – кольцо в форме змеи с рубином.

Вэл. Никогда у меня не было кольца в форме змеи с рубином.

Кэрол. А с изумрудом?

Вэл. Не было у меня кольца в форме змеи ни с рубином, ни с изумрудом, ни с чем...
Начинает негромко насвистывать, глядя в сторону.

Кэрол (*чуть улыбаясь*). Тогда, может, в форме дракона с изумрудом, бриллиантом или рубином. Вы нам сказали, что это подарок одной женщины-остеопата, которую вы встретили как-то на жизненном пути. И что как только вы оказываетесь на мели – неважно, где вы или давно ли с ней виделись – то даете ей телеграмму за счет получателя, а эта дама-остеопат высылает вам перевод на двадцать пять долларов с одной и той же припиской: «Люблю. Когда вернешься?» А в качестве доказательства, хотя в эту историю было нетрудно поверить, достали из бумажника последнюю из таких нежных телеграмм. (*Запрокидывает голову и негромко смеется. Вэл еще больше отворачивается, поглощенный починкой пряжки.*) Мы прошли за вами через пять заведений, прежде чем познакомились, а я к вам первая подошла. Я шагнула к стойке, у которой вы примостились, тронула вас за рукав и спросила: «Из чего у вас куртка?» А когда вы ответили, что из змеиной кожи, я сказала: «Жаль, что не сказали до того, как я ее коснулась». А вы ответили: «Может, это вас научит не распускать руки». Было за полночь, и я основательно нагрузилась. Помните, что я вам тогда сказала? «А что, черт возьми, остается делать в этом мире – только вцепиться во что-то и держать, пока пальцы не обломаешь!» Такого я раньше никогда не говорила и даже не думала, но потом поняла, что сказала самую что ни на есть истину. Что еще остается в этом мире – только вцепиться и держать, пока пальцы не обломаешь... А вы меня окатили отрезвляющим взглядом. По-моему, вы слегка мне кивнули, потом взяли гитару и начали петь. А спев, пустили шляпу по кругу. Когда туда бросали купюры, вы свистели. Мы с моим двоюродным братом Берти положили в шляпу пять долларов, вы просвистели пять раз, а потом присели к нам за столик выпить джина с тоником. Еще показывали автографы на гитаре... Пока все правильно?

Вэл. Почему вы из кожи вон лезете, чтобы доказать, что я вас знаю?

Кэрол. Потому что хочу познакомиться с вами поближе! Прокатиться с вами ночью и зажечь.

Вэл. А что такое «зажечь»?

Кэрол. О, вы разве не знаете? Это когда садитесь в машину, немного выпиваете, потом катаетесь, останавливаетесь, танцуете под музыкальный автомат, потом еще чуток выпиваете, еще чуть-чуть катаетесь, останавливаетесь и снова танцуете под музыкальный автомат, потом бросаете плясать и просто пьете и катаетесь, а затем тормозите и только пьете, после чего, наконец, и пить бросаете...

Вэл. А что дальше?

Кэрол. А там уже зависит от погоды и того, с кем зажигаете. Если ночь ясная, то расстилаете одеяло среди надгробий на Кипарисовой горе – это местное кладбище, – а если ночь ненастная, вот как сегодня, то, понятное дело, отправляетесь в мотель где-нибудь на перекрестке магистралей...

Вэл. Я так и подумал. Но такие катания не по мне. Пить до упаду, курить травку и спать с кем попало – это для двадцатилетних ребятишек, а мне сегодня стукнуло тридцать, так что я свое откатал. (*Поднимает на нее свои темные глаза.*) Я уже не первой молодости.

Кэрол. В тридцать – очень даже первой, хочется верить! Мне вот двадцать девять!

Вэл. Не-ет, если с пятнадцати лет крутишься на этой чертовой карусели – к тридцати молодость кончается!

Берет гитару и начинает петь «Райские травы».

Что день, все бродил я по райской траве,
И солнце сияло ввыси в синеве.
По райской траве я гулял, что ни ночь,
И звезды неслись одинокие прочь.

А после на землю судьба привела,
И матушка с криком меня родила.
Бреду по земле я и ночи, и дни,
Но райские травы все ж помнят ступни,
Но райские травы все ж помнят ступни¹.

Кэрол достает из кармана пальто бутылку бурбона и протягивает Вэлу.

Кэрол. Спасибо. Просто чудесно. Поздравляю вас с днем рождения, Змеиная Кожа, от души поздравляю.

Она вплотную придвигается к Вэлу. Входит Ви и резко бросает:

Ви. Мистер Зевьер не пьет.

Кэрол. Ах, простите-извините!

Ви. Вели бы вы себя поприличнее, ваш отец бы не лежал парализованным!

Звук остановившейся снаружи машины. Женичины с криками бегут вниз. Входит Лейди, кивнув женищинам и придерживая дверь, чтобы впустить Джейба и других мужчин. Здоровается с женищинами, бормоча что-то невнятное, словно от усталости даже говорить не может. На вид ей от тридцати пяти до сорока пяти, но фигура у нее моложаво-стройная. Лицо напряженное. Она из тех, кто в юности пережил сильное эмоциональное потрясение. При волнении с ней может случиться истерика. Голос у нее зачастую визгливый, и все тело напряжено. Но в периоды спокойствия к ней снова возвращается девичья мягкость, и она выглядит лет на десять моложе.

Лейди. Входи, Джейб. Нас тут целая депутация встречает. И даже стол накрыли.

Входит Джейб, сухопарый старик с по-волчьи вытянутым, желтовато-серым лицом. Женичины поднимают дурацкий галдеж.

Бьюла. Глядите-ка, кто к нам приехал!

Долли. Да это Джейб!

Бьюла. Не подумала бы, что он болен. Похоже, он в Майями отдыхал. Полюбуйтесь, какой у него замечательный цвет лица!

Долли. В жизни его таким здоровяком не видела!

Бьюла. Кого это он обдурить задумал? Ха-ха-ха! Только не меня!

Джейб. Уф-ф... Господи... Как же я... устал...

Неловкое молчание. Все жадно смотрят на нервно покашливающего умирающего старика с напряженной волчьей улыбкой на лице.

Коротыш. Слышишь, Джейб, мы тут скормили твоим «одноруким бандитам» уйму мелочи.

Пёсик. А бильярдный автомат раскалился, как ствол пистолета.

Коротыш. Ха-ха.

На лестнице появляется Ева Темпл и визгливо зовет сестру.

Ева. Систер! Систер! Систер! Кузен Джейб приехал!

Наверху громкий топот и крики.

Джейб. Господи...

Ева бросается к нему, резко останавливается и принимается плакать.

Лейди. Ой, да прекрати ты, Ева Темпл! Что вы там делали наверху?

Ева. Не могу сдержаться, как же я рада его видеть, как же отрадно снова увидеть нашего дорогого, благословенного кузена Джейба!

Систер. Где Джейб, где наш драгоценный Джейб? Где наш бесценный кузен?

Ева. Да вот же он, Систер!

¹ Перевод Н. Сидемон-Эристави.

Систер. Ой, да будет благословенна жизнь твоя. Поглядите-ка, какой у него румянец, а?

Бьюла. Вот и я ему то же самое сказала, что он как будто в Майями побывал и загорел под флоридским солнцем, ха-ха!

Все предыдущие реплики произносятся очень быстро, накладываясь друг на друга.

Джейб. Ни под каким солнцем я не загорал. Вы все меня извините, но пойду-ка я праздновать свое возвращение наверх, в постель, потому как я – будто выжатый лимон. *(С трудом ковыляет к подножию лестницы, Ева и Систер, всхлиывая и прижимая к глазам платки, следуют за ним.)* Вижу, здесь кое-какие перемены случились. Так-так. Так-так. С чего это тут оказался обувной отдел? *(Мгновенно становится враждебным, словно у них с женой это в порядке вещей.)*

Лейди. У нас в магазине всегда не хватало света.

Джейб. Поэтому ты перенесла обувной отдел еще дальше от окна? Разумно. Очень логичное решение, Лейди.

Лейди. Джейб, ты же знаешь, я тебе говорила: мы тут установим лампы дневного света.

Джейб. Так-так. Так-так. Ладно. Завтра позову черномазых, чтобы помогли переместить обувной отдел обратно к окошку.

Лейди. Делай, что хочешь, это твой магазин.

Джейб. Угу. Угу. Рад, что напонила.

Лейди резко отворачивается. Джейб поднимается по ступенькам, Коротыши и Пёсик за ним. Женщины сбиваются в кружок и перешептываются. Лейди устало опускается на стоящий у стола стул.

Бьюла. Не сойти ему больше по этой лестнице.

Долли. Никогда, дорогая.

Бьюла. Его уже в предсмертный пот бросает! Заметила, как бросает?

Долли. И желтый весь, как масло, пожелтел, прямо как...

Систер всхлиывает.

Ева. Систер! Систер!

Бьюла *(подойдя к Лейди).* Лейди, похоже, вам не очень хочется говорить на эту тему, но мы с Пёсиком очень волнуемся.

Долли. И мы с Коротышем тоже.

Лейди. Насчет чего?

Бьюла. Насчет операции, которую Джейбу сделали в Мемфисе. Она прошла успешно?

Долли. Или не очень?

Лейди смотрит на них невидящими глазами. Все женщины, кроме Кэрл, обступают ее, сгорая от любопытства.

Систер. Для хирургического вмешательства было уже поздно?

Ева. Разве оно не удалось?

Этажом выше раздается громкий размеренный стук.

Бьюла. Мне сказали, что оно уже и не требовалось.

Долли. Мы верим, что все не так безнадежно.

Ева. Верим и молим Бога, что не так безнадежно.

У всех на лицах еле заметные невольные улыбки. Лейди обводит их взглядом, потом, слегка ошарашенная, издает еле слышимый смешок, вскакивает из-за стола и шагает к лестнице.

Лейди *(словно на бегу).* Извините, мне надо наверх, меня Джейб зовет. *(Поднимается по лестнице, женщины смотрят ей вслед.)*

Кэрл *(внезапно громко нарушая молчание).* Если уж о стуках, то у меня мотор постукивает. Вот так: тук-тук-тук. Я спрашиваю: кто там? Не знаю, то ли я с кем-то из умерших предков переговариваюсь, то ли мотор вот-вот вывалится, и я останусь одна посреди ночи на пустынь-

ном шоссе. Вы смыслите в механизмах? Уверена, что смыслите. Может, сделаете одолжение и немножко прокатитесь со мной? Сможете услышать, как стучит?

Вэл. У меня нет времени.

Кэрол. Чем же вы заняты?

Вэл. Жду, чтобы поговорить о работе в этом магазине.

Кэрол. Я вам работу предлагаю.

Вэл. Мне нужна работа, за которую платят.

Кэрол. А я вам заплачу.

Женщины громко перешептываются на заднем плане.

Вэл. Может, завтра как-нибудь.

Кэрол. Мне нельзя тут ночевать. Мне нельзя оставаться в этом округе до утра.

Шепот становится громче. Отчетливо слышится слово «развратная». Кэрол – не поворачивая головы и широко улыбаясь:

Что это они обо мне судачат? Не слышите, что эти бабы обо мне болтают?

Вэл. Да ладно вам...

Кэрол. Вот вовсе и не ладно! Что они там говорят? Что я развратная?

Вэл. Если не хотите, чтобы о вас болтали, тогда зачем такой макияж? Зачем вы?..

Кэрол. ...Выпендриваюсь?

Вэл. Что-что?

Кэрол. А я показушница! Хочу, чтобы на меня обращали внимание, таращились, слышали, чуяли мое присутствие. Хочу, чтобы все знали – я живу! А вы разве не хотите, чтобы все знали, что вы живете?

Вэл. Я просто хочу жить, и мне плевать, знают об этом или нет.

Кэрол. Тогда зачем вы играете на гитаре?

Вэл. А зачем вы устраиваете цирк?

Кэрол. Верно – по той же причине.

Вэл. У нас разные дорожки... *(Она все время отодвигается от Кэрол, но та не отстает от него. Она говорит настойчиво, упорно и не терпя возражений.)*

Кэрол. В свое время я была так называемой «ушибленной Христом» реформисткой. Знаете, что это? Нечто вроде легкой формы эксгибиционизма... Я агитировала, произносила речи, писала письма против истребления чернокожих в нашем округе. Мне казалось, что нельзя заставлять их умирать от пеллагры или от голода, если долгоносик, цветоед или сильные дожди губят урожай хлопка. Я пыталась добиться открытия бесплатных больниц, ухлопала на это все деньги, которые мне оставила мама. А когда случился суд над Уилли Макги, которого отправили на электрический стул за непозволительные отношения с белой шлюхой (*ее голос звучит, как страстное заклинание*), я подняла шум. Натянула на себя мешок из-под картошки и отправилась пешком в законодательное собрание штата. Дело было зимой. Я шагала босиком в холщовом мешке, чтобы выразить персональный протест губернатору штата. О, думаю, что с моей стороны это было отчасти проявлением эксгибиционизма, но не только. Было там и что-то еще. И знаете, сколько я прошла? Девять километров от городской черты. На меня орали, улюлюкали, в меня даже плевали! И так на каждом шагу. А потом арестовали. Догадаетесь, за что? За бродяжничество в непристойном виде! Да-да, именно так обвинение и звучало – «бродяжничество в непристойном виде», поскольку было заявлено, что надетый мной мешок из-под картошки не является пристойным одеянием... Ну, все это было довольно давно, и теперь я больше не реформистка. Я просто «непристойная бродяжка». И я показываю всем этим сукиным детям, насколько непристойной может быть такая бродяжка, если она вкладывает в это всю душу – вот как я! Ладно, я рассказала вам свою историю показушницы. А теперь сделайте мне доброе дело. Сядьте в мою машину и отвезите меня на Кипарисовую гору. Там послушаем, как разговаривают мертвецы. Там, на Кипарисовой горе, они щебечут, как птички,

но говорят одно лишь слово: «жить». Они твердят: «Жить, жить, жить, жить, жить!» Только это они и знают, только такой совет и могут дать. Просто жить. (*Открывает дверь.*) Просто! Все очень просто...

Уходит. Голоса женщин звучат громче, выделяясь из мерного, неразборчивого бормотания как шипение гусей.

Голоса женщин. Нет, не выпивка! Наркотики!

– Она точно ненормальная!

– Блюстители порядка предупредили ее отца и брата, чтобы и духу этой Кэрол не было в нашем округе!

– Совершенно опустилась!

– Да, развратница!

– Развратница!

Словно не в силах вынести это шипение, Вэл внезапно подхватывает гитару и выходит из магазина. Одновременно с этим на лестничной площадке появляется Ви Талботт и зовет его.

Ви. Мистер Зевьер! Где мистер Зевьер?

Бьюла. Ушел, дорогая.

Долли. Вот так-то, Ви. Был прекрасный кандидат на спасение, да и того переманила оппозиция.

Бьюла. Он уехал на Кипарисовую гору с этой девицей... Катрир.

Ви (*спускаясь*). Если бы некоторые женщины постарше подавали достойный пример, то молодежь вела бы себя поприличнее!

Бьюла. Это вы о ком?

Ви. О тех, кто устраивает пьянки и напивается так, что не различает, где свой муж, а где чужой. И о тех, кто прислуживает в церкви и в то же время играет в карты по воскресеньям...

Бьюла. Вот уж хватит! Теперь мне ясно, откуда все эти грязные сплетни идут!

Ви. Я лишь повторяю то, что слышу от других, а на попойках этих сроду не бывала!

Бьюла. Не бывали и не будете! Вы – общеизвестная зануда и брюзга, профессиональная лицемерка!

Ви. Я пытаюсь улучшить нравы! А вы на ваших пьянках усугубляете их падение! Иду, иду обратно наверх! (*Бежит наверх.*)

Бьюла. Что ж, рада, что высказала ей все прямо в глаза. Лопнуло мое терпение, чтобы выносить такое лицемерие. Долли, давай поставим в холодильник то, что может испортиться, да пойдем отсюда. Никогда мне так тошно не было!

Долли. О господи! (*Задерживается у лестницы и кричит.*) Короты-ы-ы-ыш! (*Берет тарелки и уходит.*)

Систер. Эти женщины – прямо отбросы какие-то.

Ева. Родня этой Долли на Синей горе – сплошь голытьба всякая. Вот Лолли Такер мне рассказывала, что ее престарелый папаша сидит на крыльце босой и хлещет пиво прямо из ведра! Давай цветы возьмем – у алтаря поставим.

Систер. Да, а в приходских записях отметим как пожертвование Джейба.

Ева. Я еще и бутерброды с оливками возьму. Пригодятся для чаепития у викария.

Долли и Бьюла проходят через магазин.

Долли. У нас еще есть время собраться тесным кругом.

Бьюла (*кричит*). Пёсик!

Долли. Коротыш! (*Быстро выходят из магазина.*)

Ева. На крыльце босой сидит?

Систер. И пиво прямо из ведра хлещет!

Уходят, взяв зонты и прочее. Мужчины спускаются по лестнице.

Шериф Талботт. Сдается мне, что Джейб отдаст концы еще до того, как вызреет урожай.

Коротыш. Никогда он здоровым не выглядел.

Пёсик. А сейчас и того хуже.

Идут к двери.

Шериф Талботт. Ви!

Ви (*с лестничной площадки*). Тише ты. Надо было поговорить с Лейди о том молодом человеке, а при Джейбе нельзя, потому как он думает, что еще сам сможет работать.

Шериф Талботт. Так, пошли, хватит дурить.

Ви. По-моему, надо дожидаться, пока этот парень вернется.

Шериф Талботт. Осточертело мне видеть, как из тебя лезет всякая дурь, как только к нам в округ заявится очередной бродяга.

Громкий звук клаксона. Ви выходит на улицу вслед за мужем. Звук отъезжающей машины. Вдалеке лают собаки, освещение постепенно гаснет, указывая, что проходит какое-то время.

Картина вторая

Двумя часами позже в тот же вечер. Пейзаж за большим окном тускло подсвечен виднеющейся сквозь тучи луной. Взлетает и смолкает явный и чистый девичий смех Кэрол, затем слышен звук быстро отъезжающей машины.

Вэл входит в магазин до того, как стихают звуки мотора, где-то на дороге лает собака. Вэл бормочет себе под нос «Господи боже!», подходит к столу, стирает с губ и с лица губную помаду бумажной салфеткой, берет в руки гитару, которую оставил на прилавке.

Звуки шагов на лестнице. На площадке появляется Лейди во фланелевом халате; она вздрагивает от холода. Нетерпеливо щелкает пальцами, и старая собака Белла, хромя, спускается вместе с ней. Не замечая Вэла, сидящего в темном углу, проходит к телефону у лестницы. В ее хриплом и резком голосе слышится отчаяние.

Лейди. Аптеку дайте! Знаю, что там закрыто, это миссис Торренс, у меня тоже закрыто, но тут больной только-только после операции, да-да, срочный вызов. Разбудите мистера Дубинского, звоните, пока не ответит, срочный вызов! (*Пауза. Ругается по-итальянски себе под нос, затем вслух.*) Как же хочется сдохнуть, сдохнуть, сдохнуть...

Вэл (*негромко*). Нет, не надо, Лейди.

Она ахает, оборачивается и видит Вэла. Не выпуская из руки трубку, со звоном открывает кассу и что-то оттуда выхватывает.

Лейди. Что вы тут делаете? Знаете же, что закрыто!

Вэл. Я увидел свет, дверь была не заперта, вот я и вернулся.

Лейди. Видите, что у меня в руке? (*Поднимает над кассой револьвер.*)

Вэл. Собираетесь меня пристрелить?

Лейди. И не сомневайтесь, мистер, если не провалите отсюда!

Вэл. Вам не о чем беспокоиться, Лейди, я вернулся, чтобы гитару забрать.

Лейди. Гитару?

Вэл с мрачным видом приподнимает гитару.

Та-ак...

Вэл. Меня привела сюда миссис Талботт. Я был тут, когда вы вернулись из Мемфиса, разве не помните?

Лейди. А-а-а... Ах, да... И все время здесь были?

Вэл. Нет. Уходил, а потом вернулся.

Лейди (*в трубку*). Просила же звонить, пока не ответит! Давайте, звоните, звоните! (*Вэлу.*) Уходили, а потом вернулись?

Вэл. Да.

Лейди. Зачем?

Вэл. Вы знаете девушку, которая тут была?

Лейди. Кэрол Катрир?

Вэл. Она сказала, что у нее сломалась машина, и попросила починить.

Лейди. Починили?

Вэл. Машина у нее не ломалась, ничего у нее не ломалось... То есть у нее самой что-то сломалось, но в другом смысле...

Лейди. А что у нее сломалось?

Вэл. Голова – она во мне ошиблась.

Лейди. Это как?

Вэл. Она решила, что у меня на лбу написано «Кобель и жеребец».

Лейди. Она что-то решила?.. *(Внезапно в трубку.)* Ой, мистер Дубинский, простите, что разбудила, но я только что привезла мужа из Мемфиса, из больницы, и где-то забыла коробку с люминалом... Он мне нужен до зарезу! Три ночи не спала, вся разваливаюсь, слышите, разваливаюсь вся, три ночи не спала, надо снотворное выпить. Слушайте, если не хотите потерять клиентку, пришлите хоть сколько-нибудь. Тогда сами принесите, черт вас подери, извините за выражение! Потому что я вот-вот рухну! *(Швыряет трубку.)* Чтоб ты... Господи! Всю аж трясет! Тут холод, как в морозильнике, сама не знаю почему, тепло здесь вообще не держится. Может, потолки слишком высокие или еще что, ну вот не держится тепло, и все тут... Так что вам нужно? Мне надо наверх.

Вэл. Вот, накиньте.

Снимает куртку и протягивает ей. Она не сразу ее берет, испытующе смотрит на него, потом медленно принимает куртку и внимательно ее разглядывает и ощупывает, водя пальцами по змеиной коже.

Лейди. Из чего это она сделана? Похоже на змеиную кожу.

Вэл. Ну да, именно из нее.

Лейди. И зачем вы носите куртку из змеиной кожи?

Вэл. А она вроде визитки. Меня так и зовут – Змеиная Кожа.

Лейди. И кто же вас так зовет?

Вэл. Ну люди в барах, там, где я работаю... Но с этим покончено. Завязал я с этим делом.

Лейди. Так вы что же – артист?

Вэл. Пою и играю на гитаре.

Лейди. Да? *(Надевает куртку, словно примеривая.)* И вправду теплая.

Вэл. Это от тепла тела.

Лейди. Горячая у вас, наверное, кровь.

Вэл. Верно.

Лейди. Ну и что, скажите на милость, вы у нас ищете?

Вэл. Работу.

Лейди. Хлыщи вроде вас не работают.

Вэл. Что значит «хлыщи вроде меня»?

Лейди. Те, что на гитаре играют и треплются, какие они теплокровные.

Вэл. Но это правда. У меня температура всегда на пару градусов выше нормальной, как у собаки. Для меня она в самый раз, как и для собаки, это верно.

Лейди. Ха!

Вэл. Не верите?

Лейди. Мне нет причины вам не верить, и что с того?

Вэл. Да так, ничего...

Лейди вдруг тихонько смеется. Лицо Вэла медленно расплывается в теплой улыбке.

Лейди. Необычный вы человек, это уж точно! Как вы тут оказались?

Вэл. Проезжал здесь вчера вечером, и распредвал у меня забарахлил, вот и застрял. Пошел к окружной тюрьме, чтобы поспать и от дождя укрыться. Миссис Талботт разрешила переночевать на койке в камере для задержанных и сказала, что, если я дождусь вашего возвращения, вы, возможно, дадите мне работу помощника в магазине, у вас же муж болеет.

Лейди. Ага... Ну это она ошиблась... Если и возьму помощника, то из местных, не могу же я нанять нездешнего... в куртке из змеиной кожи и с гитарой... у которого температура, как у собаки! (*Запрокидывает голову и смеется мягким смехом, начинает снимать куртку.*)

Вэл. Оставьте.

Лейди. Нет, сейчас мне пора идти, да и вам тоже...

Вэл. А мне некуда идти.

Лейди. Ну у всех свои заботы, и у вас тоже.

Вэл. Вы какой национальности?

Лейди. Что это вы спрашиваете?

Вэл. Похоже, вы иностранка.

Лейди. Я дочь итальяшки-бутлегера, которого сожгли здесь, в его же саду! Забирайте куртку...

Вэл. Как вы своего отца называли?

Лейди. А что?

Вэл. «Итальяшка-бутлегер»?

Лейди. Его сожгли живьем в собственном саду! И что с того? Тут эту историю все знают. *Джэйб стучит в пол.*

Мне надо идти, меня зовут.

Она выключает свет над прилавком, и в этот момент Вэл принимается тихонько напевать «Райские травы», подыгрывая себе на гитаре. Внезапно умолкает и выпаливает:

Вэл. Я в электрике разбираюсь.

Лейди жалостливо смотрит на него.

Могу любую работу на подхвате выполнять. Лейди, мне сегодня стукнуло тридцать, и с прежней жизнью я завязал. (*Пауза. Вдали лают собаки.*) Жил в распутстве, но сам я не распутник. А все из-за нее. (*Приподнимает гитару.*) Моя спутница жизни! Смывает с меня грязь, словно водой, если что-то ко мне пристанет... (*Тихонько наигрывает, загадочно улыбаясь.*)

Лейди. А что там на ней за надписи?

Вэл. Автографы музыкантов, с которыми я пересекаюсь то тут, то там.

Лейди. Можно посмотреть?

Вэл. Включите свет, вон там, у себя над головой.

Она включает над прилавком лампочку под зеленым абажуром. Вэл нежно, как ребенка, протягивает вперед гитару. Голос у него проникновенный и нежный.

Видите вот это имя? Ледбелли?

Лейди. Ледбелли?

Вэл. Величайший из людей, игравших на двенадцатиструнной гитаре! Играл так, что разжалобил сердце губернатора Техаса, и тот выпустил его из тюрьмы... А вот это видите? Оливер, Кинг Оливер? Его имя бессмертно, Лейди. Величайший трубач со времен Архангела Гавриила...

Лейди. А это что за имя?

Вэл. Вот это? Оно тоже бессмертно. Имя Бесси Смит сияет среди звезд! Ее убил Джим Кроу, Джим Кроу вместе с Джоном Ячменное Зерно ее убили, но это совсем другая история... А вот это имя видите? И оно бессмертно!

Лейди. Фэтс Уоллер? Оно тоже сияет среди звезд?

Вэл. Да, тоже сияет среди звезд...

Ее голос звучит так же проникновенно и задушевно, их охватывает нежность, они придвигаются друг к другу, их разделяет лишь гитара.

Лейди. Опыт торговли есть у вас?

Вэл. Всю жизнь что-то кому-то продаю.

Лейди. Как и все остальные. Рекомендации имеются?

Вэл. Есть вот... письмишко одно.

Достает из бумажника сложенное письмо в потертом конверте, вместе с ним уронив на пол фотографии и разные карточки. Мрачно протягивает Лейди письмо и нагибается, чтобы подобрать рассыпавшиеся предметы, пока она внимательно изучает рекомендацию.

Лейди (медленно читает). «Этот парень проработал в моей автомастерской три месяца. Работник хороший, прилежен, честен, но любит поговорить, из-за чего мне пришлось его уволить, но хочется, чтобы... (Подносит бумагу ближе к свету.) Вы его... наняли. Искренне ваш...»

Вэл мрачно смотрит на нее, моргая глазами.

Да-а-а... Ничего себе рекомендация!

Вэл. Там так и написано?

Лейди. А вы разве не знали?

Вэл. Нет, он же заклеил конверт.

Лейди. Ну такая рекомендация не очень-то вам поможет.

Вэл. И вправду толку мало.

Лейди. Однако...

Вэл. Что?

Лейди. То, что о вас говорят, не очень-то много значит. В размерах обуви разбираетесь?

Вэл. Вроде бы да.

Лейди. Что означает «75 Д»?

Вэл таращит глаза и медленно качает головой.

75 – это длина, семь с половиной, а Д – полнота, самая большая. Как менять товар, знаете?

Вэл. Да, товар в магазине обменять смогу.

Лейди. На получше или на похуже? Ха-ха! Так... (Пауза.) Так... Видите помещение вон там, за арочной дверью? Это кондитерская, сейчас она закрыта, но скоро снова откроется, и я постараюсь сделать ее центром ночной жизни, чтобы туда заходили после кино. Заново там все обустрою и переоборудую. У меня все спланировано. (Говорит взволнованно, словно сама с собой.) По стенам и по потолку – искусственные ветви цветущих фруктовых деревьев! Как в весеннем саду! У отца был сад на Лунном озере. Часть его он засадил виноградником. У нас там стояло пятнадцать маленьких беседок, увитых виноградной лозой, с маленькими столиками... Мы продавали итальянское вино и контрабандное виски, а еще пиво. А они всё спалили! Отец там заживо сгорел...

Джейб стучит еще громче, хриплый голос кричит: «Лейди!» У входной двери появляется фигура и зовет: «Миссис Торренс!»

А-а, это снотворные таблетки принесли. (Подходит к двери.) Спасибо, мистер Дубинский, простите, что пришлось вас побеспокоить, извините, что...

Мужчина что-то бормочет и уходит. Она закрывает дверь.

Да пошел ты к черту, старый ублюдок... (Возвращается с пакетиком.) Вас никогда бессонница не мучает?

Вэл. Я могу спать или не спать, сколько захочу.

Лейди. Правда?

Вэл. Могу спать на цементном полу или шагать двое суток, причем сна ни в одном глазу. Могу задержать дыхание на три минуты и при этом не отключиться. Я как-то поспорил на десять долларов, что смогу продержаться, и выиграл! Еще могу целый день не ходить по малой нужде.

Лейди (*пораженно*). Вы это серьезно?

Вэл (*непринужденно, словно для него это обычное дело*). Серьезно. Как-то раз меня посадили за бродяжничество, заковали в кандалы и привязали к столбу, а я простоял там весь день и ни разу не справил малую нужду, чтобы показать этим сукиным детям, из какого я теста.

Лейди. Теперь понятно, что имел в виду хозяин автомастерской, когда написал, что вы любите поговорить. Ну а что еще вы умеете? Расскажите-ка о своем таланте владеть собой!

Вэл (*улыбаясь*). Ну говорят, что женщина может покорить мужчину. А я могу покорить женщину.

Лейди. Какую?

Вэл. Любую женщину о двух ногах.

Лейди (*внезапно запрокидывает голову и добродушно смеется. Вэл по-детски ей улыбается*). Ну здесь масса женщин о двух ногах, которые бы захотели проверить ваше заявление на прочность.

Вэл. Я сказал, что могу, но не сказал, что хочу.

Лейди. Не беспокойтесь, молодой человек. Я из тех женщин о двух ногах, которых не надо убеждать в силе ваших талантов.

Вэл. Нет, я со всем этим завязал.

Лейди. А что так? Укатали вас?

Вэл. Не укатали. Просто опротивело.

Лейди. Ах, опротивело, вот как?

Вэл. Говорю вам, Лейди, людей покупают и продают, как туши в мясной лавке.

Лейди. Ничего нового вы мне не открыли.

Вэл. Вы, может, думаете, что в этом мире много-много всяких разных людей? Но, Лейди, люди делятся всего на два вида – кого покупают, и кто покупает! Хотя нет... есть еще один вид...

Лейди. Это какой же?

Вэл. Те, на ком еще клеймо не проставлено.

Лейди. Проставят, и еще как.

Вэл. Для начала меня изловить надо.

Лейди. Ну тогда вам лучше не задерживаться в нашем округе.

Вэл. Знаете, есть такая птица без лапок, которая не может нигде присесть, и ей приходится всю жизнь проводить в полете? Это правда. Я однажды такую видел, она умерла и упала на землю. Была она светло-голубого цвета, а тельце у нее было маленькое, вроде вашего мизинчика, да-да, вроде мизинчика, а сама такая легкая, как перышко. А крылья широкие, но прозрачные, под цвет неба, и сквозь них все видно. Это называется защитной окраской. Камуфляжем. На фоне неба таких птиц не видно, и поэтому ястребы не могут их поймать, они их не замечают в высоком голубом небе у самого солнца!

Лейди. А если день пасмурный?

Вэл. А если пасмурный, то они залетают так высоко, что проклятым ястребам их не достать. Но у этих птиц совсем нет лапок, и всю жизнь они летают, а по ночам спят на волнах ветра, вот так расправляют крылья и парят, когда другие птицы складывают крылья и спят на деревьях... (*Негромко начинает звучать музыка.*) Они спят на ветру и... (*Его взгляд становится мягким и пустым, он берет гитару и подыгрывает музыке.*) ...никогда не садятся на землю, разве что перед смертью!

Лейди. Хотела бы я стать такой птицей.

Вэл. И я тоже, да и многие другие – чтобы никогда не жить в грязи!

Лейди. Если вам доведется найти на земле такую погибшую птицу, покажите ее мне, потому как мне кажется, что вы все сочиняете про таких птиц. Потому что мне думается, что ни одно живое существо не может быть таким свободным. Покажите мне одну из таких птиц, и я скажу: «Да, это совершенное творение Господне!» Я отдала бы магазин со всеми товарами, лишь бы стать такой крохотной птичкой небесного цвета... За одну ночь, чтобы спать на волнах ветра и парить!.. Парить под звездами...

Джейб стучит в пол. Лейди переводит взгляд на Вэла.

Потому что я сплю с сукиным сыном, который купил меня на дешевой распродаже, и за пятнадцать лет не видела ни одного хорошего сна, ни одного... Ой, черт! Сама не знаю, зачем я душу изливаю первому встречному... Вот... *(Со звоном открывает кассу.)* Возьмите доллар и идите поешьте в круглосуточной закусочной у шоссе. Утром возвращайтесь, загрузу вас работой. Начнете здесь продавцом, а когда заново откроется кондитерская, ну может, и там на что сгодитесь... Дверь сама защелкнется!.. Но сначала давайте-ка проясним ситуацию.

Вэл. Какую ситуацию?

Лейди. Ваши таланты меня не интересуют, да и вы сами интересуете меня не больше, чем трава на ветру. Если это ясно, то мы сработаемся, а если нет – то вам же хуже!.. Я, конечно, понимаю, что вы с приветом, но тут много таких, у кого привет еще больше, а они знай себе свободно разгуливают, а иногда еще и высокое положение занимают. Запомните – со мной никаких финтов и выкрутасов. А теперь идите поешьте, вы проголодались.

Вэл. Можно я ее здесь оставлю? Подругу жизни? *(Это он о гитаре.)*

Лейди. Оставьте, если хотите.

Вэл. Спасибо, Лейди.

Лейди. Не за что.

Он подходит к двери, вдалеке яростно лает собака. Вэл с улыбкой оборачивается к Лейди.

Вэл. Я ничего о вас не знаю, кроме того, что вы добрая, я таких добрых редко встречал! Буду у вас работать на совесть, честно и без вольновок. А что до вашей бессонницы – так я знаю, как это поправить. Меня одна остеопатша научила, как слегка помассировать шею и хребет – и спишь глубоким, здоровым сном. Ну спокойной ночи.

Он удаляется. Проходит несколько секунд. Лейди запрокидывает голову и смеется звонко и весело, как ребенок. Затем оборачивается и во время опускания занавеса с изумленным выражением лица берет гитару и пробегает по ней пальцами.

Действие второе

Картина первая

В магазине днем несколько недель спустя. Стол и стул отнесены в кондитерскую. Лейди вешает телефонную трубку. Вэл стоит за входной дверью. Поворачивается и входит. На улице упряжка мулов пытается вытащить на обледеневшую дорогу большой грузовик. Голос темнокожего: «Взя-а-а-ли!»

Вэл (*подходя справа к окну*). Вчера ночью грузовик с прицепом сполз в кювет. Шесть мулов пытаются вытянуть его обратно... (*Смотрит в окно.*)

Лейди (*выходит справа из-за прилавка*). Мне только что на вас пожаловались, мистер, и серьезно пожаловались. Женщина говорит, что, не будь она вдовой, ее муж пришел бы и выбил из вас душу.

Вэл (*шагнув к ней*). Да? Невысокая такая, с розовыми волосами?

Лейди. С розовой заколкой в волосах?

Вэл. Да нет, с розовыми волосами. Невысокая, в клетчатом пальто с вот такими пуговицами.

Лейди. Я говорила с ней по телефону. Насчет своей внешности она не распространялась, но сказала, что вы вели себя фамильярно. Я спросила: «В чем? В разговоре или в поведении?» А она отвечает: «И в том, и в другом!» Вот этого-то я и боялась, когда на прошлой неделе вас предупредила, чтобы тут никаких выкрутасов.

Вэл. Эта невысокая женщина с розовыми волосами купила у меня открытку-валентинку, а я всего-то и сказал, что меня зовут Валентин. А через несколько минут пришел темнокожий мальчишка и вручил мне валентинку с какой-то припиской. Похоже, я ее еще не выбросил... (*Находит открытку и протягивает подошедшей Лейди. Та читает и яростно рвет открытку в клочья. Вэл закуривает сигарету.*)

Лейди. Вместо подписи – поцелуй накрашенных губ! Вы не ходили на свидание?

Вэл. Нет, мэм. Потому-то она и пожаловалась. (*Бросает на пол спичку.*)

Лейди. Поднимите спичку.

Вэл. В сержанты хотите податься?

Нарочито аккуратно поднимает спичку и выбрасывает за дверь. Лейди следит за его движениями. Вэл возвращается к ней ленивой походкой.

Лейди. Вы и перед ней так расхаживали?

Вэл (*у прилавка*). Это как?

Лейди. Вот так – с оттяжкой, с оттяжкой!

Вэл внимательно смотрит на нее добродушно-растерянным взглядом.

И стояли рядом с ней вот так же? Так же близко? В такой же, такой же... позе?

Вэл. В какой?

Лейди. Да в как бы намекающей!

Вэл. На что?

Лейди. На то, с чем вы, по вашим словам, завязали... На... Черт, да вы сами знаете, о чем я... Зачем, вы думаете, я дала вам для работы темный костюм?

Вэл (*грустно*). Угу... (*Вдыхает и снимает синюю куртку.*)

Лейди. Зачем это вы ее снимаете?

Вэл. Возвращаю вам костюм. Пойду в кладовку брюки переодену. (*Протягивает ей куртку и шагает к нише.*)

Лейди. Эй! Простите меня! Слышите? Я ночью плохо спала. Эй, я же извинилась! Слышите? *(Она заходит в нишу, тотчас же возвращается с гитарой Вэла. Тот за ней.)*

Вэл. Отдайте гитару, Лейди. Вы все время ко мне придираетесь, а я так стараюсь!

Лейди. Я ведь извинилась. Хотите, чтобы я встала на колени и башмаки вам лизала?

Вэл. Просто гитару отдайте.

Лейди. Я не придираюсь. Я вами довольна, честно!

Вэл. Что-то не заметно.

Лейди. У меня нервы на пределе. *(Протягивает руку.)* Ну мир?

Вэл. То есть я не уволен и можно остаться?

Они по-мужски жмут друг другу руки. Она протягивает ему гитару. Наступает молчание.

Лейди. Понимаете, мы друг друга не знаем, мы... мы... только... знакомимся...

Вэл. Это точно, как пара животных, которые обнюхиваются...

Воображаемая картина смущает ее. Он подходит к прилавку, облакачивается на него и ставит гитару на пол.

Лейди. Ну не то чтобы так, но...

Вэл. Мы не знаем друг друга. А как люди друг друга узнают? Раньше я думал, что по прикосновению.

Лейди. Как это?

Вэл. Ну касаясь друг друга.

Лейди *(отходя и садясь на стул для примерки обуви справа от окна).* Ой, в смысле – прижимаясь?

Вэл. Но потом мне стало казаться, что это делает людей совсем уж чужими, да-да, совсем чужими...

Лейди. Тогда как, по-вашему, люди узнают друг друга?

Вэл *(садясь на прилавок).* Ну отвечая на ваш вопрос, я бы сказал: никто никогда никого не узнаёт! Все мы приговорены к пожизненному одиночному заключению в собственной шкуре! Понимаете, Лейди? Говорю вам, это правда, и нам нужно глядеть ей в глаза. Мы приговорены отбывать пожизненное в собственной шкуре, в одиночке, пока не умрем!

Лейди *(встает и подходит к нему).* Нет, я не то чтобы оптимистка, но с такими печальными словами не соглашусь!

Они по-детски грустны и печальны. В магазине становится темно. Лейди садится на стул справа от прилавка.

Вэл. Вот послушайте! Ребенком я жил у Ведьминой заводи. Родню мою разметало по свету, как перья на ветру, и я был там один, круглый год охотился, ставил капканы и скрывался от властей. И все это время, находясь в одиночестве, я чувствовал, что чего-то жду.

Лейди. Чего?

Вэл. А чего ждем мы все? Что произойдет хоть что-нибудь, и жизнь обретет смысл... Сейчас уже и не вспомнить того ощущения, много времени прошло, но ждал я будто бы ответа на вопрос. Словно задашь его и ждешь ответа, но то ли вопрос не тот, то ли задан не тому человеку – ответа нет. Разве все останавливается, когда не получаешь ответа? Нет, жизнь продолжается, как будто ответ уже дан. Проходят дни и ночи, а ты все ждешь от кого-то ответа и живешь, словно его получил. А потом... ну... потом...

Лейди. И что потом?

Вэл. Получаешь в ответ вранье, отговорку.

Лейди. И что это за отговорка?

Вэл. Не притворяйтесь, что не знаете – знаете ведь!

Лейди. Любовь?

Вэл (*кладя руку ей на плечо*). Вот это и есть вранье. Оно многих одурачило, кроме нас с вами, это истинная правда, Лейди, уж поверьте.

Лейди задумчиво смотрит на Вэла, а тот продолжает говорить, сев на табурет у прилавка.

Когда мне было четырнадцать, я у заводи встретил девушку. И в тот день меня не покидало чувство, что если я еще немного потолкаю лодку багром по заводи, то наткнусь на то, чего так долго ждал!

Лейди. И девушка, встреченная вами на заводи, и была тем самым ответом?

Вэл. Она заставила меня так подумать.

Лейди. И как ей это удалось?

Вэл. Выбежав голышом из своей хижины. Я в своей плоскодонке тоже сидел в чем мать родила. Она немного постояла на ярком солнце, и тело ее лучилось светом, как небеса. Вы видели, какие раковины изнутри перламутрово-белые? Вот и кожа у нее была такой же. Господи, помню, как с плауна вспорхнула птица, отбросила крыльями тень на тело девушки, а потом пропела одну-единственную высокую чистую ноту. Девушка будто бы ждала этого сигнала, она повернулась ко мне, улыбаясь, а потом вернулась в хижину...

Лейди. А вы за ней?

Вэл. Да, за ней, за ней, как хвост за птицей! Думал, она даст мне ответ на мой вопрос, я все ждал, но потом уже не знал, тот ли это ответ, да и вопрос уже не казался проще, чем ответ, и...

Лейди. И что?

Вэл. В пятнадцать лет я уехал из Ведьминой заводи. Когда издох мой пес, я продал лодку и ружье... Подался в Новый Орлеан в этой самой куртке из змеиной кожи... И очень скоро узнал, что почем.

Лейди. И что же вы узнали?

Вэл. Что надо продавать что-то еще, кроме змеиной кожи и других шкурок, которые я добывал на заводи. И покатился под горку! Вот он ответ...

Лейди. Нет, это не ответ!

Вэл. Ладно, тогда вы ответьте!

Лейди. Ответа я не знаю, знаю лишь, что скатывание по наклонной – не ответ, только и всего. Если бы думала, что это и есть ответ, то взяла бы пистолет Джейба или морфий, и тогда...

В магазин влетает женщина.

Женщина. Мне срочно надо позвонить!

Лейди. Давайте звоните.

Женщина подходит к телефону и опускает монетку. Лейди идет в кондитерскую. Вэл: Принесите мне из холодильника бутылочку кока-колы.

Вэл идет направо. Во время громких и частых криков женщин Лейди и Вэл выглядят задумчивыми, словно под впечатлением от недавнего разговора. Одну-две минуты невдалеке раздаются настойчивые гудки автомобильного клаксона.

Женщина (*в трубку*). Усадьбу Катриров, дайте усадьбу Катриров, пожалуйста! Дэвида Катрира или его жену, все равно, кого!

С улицы вбегает Бьюла.

Бьюла. Лейди, Лейди, где Лейди? Там Кэрол Катрир...

Женщина. Тише, прошу вас! Я как раз звоню ее брату насчет нее!

Лейди садится за столик в кондитерской.

(*В трубку.*) С кем я говорю? Хорошо! Звоню насчет вашей сестры, Кэрол Катрир. Она сигналит у автозаправки «Красная корона», гудит и гудит там без умолку, потому что мой муж велел заправщикам не обслуживать ее машину, а она все гудит и гудит. Там уже огром-

ная толпа. Мистер Катрир, я думала, что вы с вашим отцом порешили навсегда выставить эту девицу из Двуречного графства, мы все это так понимаем.

Звук клаксона.

Бьюла (*возбужденно и одобрительно*). Хорошо! Хорошо! Скажите ему, если...

Входит Долли.

Долли. Она вышла из машины и...

Бьюла. Т-с-с!

Женщина. Ну, я просто хотела вам сообщить, что она снова в городе, снова шумит и буянит, а мой муж, владелец заправки «Красная корона», уже звонит...

Долли выходит на улицу и смотрит по сторонам.

...шерифу, так что если Кэрол сегодня арестуют, то не говорите, что я не предупредила вас, мистер Катрир.

Звук клаксона.

Долли (*вернувшись*). Да, хорошо! Вот так!

Бьюла. Где она, куда она направилась?

Женщина. И лучше побыстрее. Да. Сочувствую вам, вашему отцу и миссис Катрир, но Кэрол у нас ничего не получит, мы просто отказываемся ее обслуживать, она не... Алло? Алло? (*С грохотом вешает трубку.*)

Бьюла. И что он? Приедет за ней?

Долли. Звоните шерифу!

Бьюла снова выходит на улицу. Вэл возвращается с бутылкой кока-колы, протягивает ее Лейди и облакачивается на музыкальный автомат.

Долли выходит к Бьюле.

Что вообще происходит?

Бьюла (*с улицы*). Гляди-ка, гляди-ка, ее с заправки выталкивают.

Увлеченные происходящим, они забывают о Лейди. Невнятные выкрики продолжаются. Невысокая женщина с автозаправки выбегает на улицу.

Долли. А где Кэрол?

Бьюла. Заходит в аптеку «Белая звезда»!

Долли снова вбегает в магазин и бросается к телефону.

Бьюла (*обращаясь к Лейди*). Лейди, дайте мне слово, что, если эта девка Катрир явится сюда, вы ее не обслужите! Слышите?

Лейди. Нет.

Бьюла. Это как? Вы откажетесь ее обслуживать?

Лейди. Я не могу никому отказать в обслуживании.

Бьюла. Очень хотелось бы знать почему?

Долли. Т-с-с! Я звоню.

Бьюла. Кому звонишь, Долли?

Долли. В аптеку «Белая звезда»! Хочу убедиться, что мистер Дубинский откажется обслуживать эту девку! (*Найдя монетку и опустив ее.*) Дайте звезду «Белая аптека». То есть... (*Топает ногой.*) ...аптеку «Белая звезда»! От волнения ум за разум заходит!

Лейди протягивает кока-колу Вэлу. Бьюла стоит у окна.

Занято там. Она еще не вышла?

Бьюла. Нет, пока что в «Белой звезде»!

Долли. Может, там ее не обслужат.

Бьюла. Дубинский павиана краснозадого обслужит, если тот положит на прилавок гри-венник и во что-нибудь лапой ткнет!

Долли. Я точно знаю, что, когда она в прошлый раз полчаса просидела в кафе «Синяя птица», официантки так к ней и не подошли!

Бьюла. Тут другое дело. Они же местные!

Долли подходит к прилавку.

Отсюда никого не выдавишь бойкотом, пока все не станут заодно. Мне Лейди только что сказала, что обслужит ее, если та зайдет.

Долли. Не сделает она этого.

Бьюла. Да ты сама спроси! Лейди сказала, что обслужит!

Лейди (*встает, поворачивается к женищинам и кричит*). Нет, черт подери, нет! Не стану я ей отказывать в обслуживании, из-за того что она вам не нравится! К тому же меня очень радует, что эта оторва дает своему братцу прикурить! (*После этой вспышки возвращается к прилавку.*)

Долли. Тише! (*В трубку.*) Мистер Дубинский! Это Долли Хэмма, жена мистера Пёсика Хэмма!

В дверь тихо входит Кэрл.

Хочу спросить, Кэрл Катрир у вас в аптеке?

Бьюла (*предостерегающе*). Долли!

Кэрл. Нет, не в аптеке.

Долли. Что?

Кэрл. Она здесь.

Бьюла идет в кондитерскую.

Долли. Ой!.. Ничего-ничего, мистер Дубинский, я... (*Неистово бросает трубку и идет к двери.*)

Молчание, во время которого все смотрят на девушку со своих мест в магазине. Она всю ночь ехала в открытой машине: волосы в беспорядке, лицо раскраснелось, глаза лихорадочно сверкают. Она ведет себя, как загнанный зверь, отчаянно, но бесстрашно.

Лейди (*мрачно и негромко*). Здравствуйте, Кэрл.

Кэрл. Здравствуйте, Лейди.

Лейди (*язвительно-сердечно*). А я-то думала, что вы в Новом Орлеане, Кэрл.

Кэрл. Да, была. Вчера вечером.

Лейди. Быстро же вы вернулись.

Кэрл. Всю ночь гнала.

Лейди. В такую грозу?

Кэрл. У меня ветром крышу с машины сорвало, но я не остановилась.

Она пристально смотрит на Вэла, тот нарочито не обращает на нее внимания, ставит бутылку из-под кока-колы на стол.

Лейди (*с нарастающим нетерпением*). Что-нибудь дома случилось, кто-нибудь заболел?

Кэрл (*рассеянно*). Нет. Насколько мне известно, нет, да я бы и не узнала, если бы что-то стряслось, они... Можно присесть?

Лейди. Ну конечно.

Кэрл (*подходит к стулу у прилавка и садится*). Они мне платят, чтобы я держалась отсюда подальше, так что и не узнала бы...

Молчание. Вэл нарочито медленно проходит мимо нее и скрывается в нише.

Похоже, у меня температура, наверное, пневмония начинается, все вокруг плывет...

Снова молчание, слышно лишь шипящее переешептывание Бьюлы и Долли у двери магазина.

Лейди (*немного раздраженно*). Вам что-нибудь нужно?

Кэрл. Все как в тумане...

Лейди. Кэрл, я спросила: не нужно ли вам чего?

Кэрл. Извините!.. Да...

Лейди. И что именно?

Кэрол. Не беспокойтесь, я подожду.

Из ниши выходит Вэл в синей куртке.

Лейди. Чего подождете, чего вы подождете? Не надо вам ничего ждать, просто скажите, что нужно, и если у меня есть, я подам!

Звонит телефон.

Кэрол (*рассеянно*). Спасибо... нет...

Лейди (*Вэлу*). Возьмите трубку.

Долли что-то неразборчиво шипит на ухо Бьюле.

Бьюла (*вставая*). Просто хочу подождать и увидеть, обслужат ее или нет.

Долли. Она только что сказала, что да!

Бьюла. Все равно подожду!

Вэл (*в трубку*). Да, сэр, здесь. Передам. (*Вешает трубку, затем говорит Лейди.*) Ее брат узнал, что она здесь, и едет за ней.

Лейди. Ноги Дэвида Катрира не будет в этом магазине!

Долли. Ой-ой!

Бьюла. В свое время Дэвид Катрир был ее возлюбленным.

Долли. Помню, ты говорила.

Лейди (*внезапно оборачиваясь к женищинам*). Бьюла! Долли! Что вы там шипите, как гусыни? (*Выходит из-за прилавка.*) Отчего бы вам не пойти в... «Синюю птицу»... Кофейку горячего выпьете и поболтаете!

Бьюла. Похоже, нам тут дают от ворот поворот.

Долли. Никогда не задерживаюсь там, где меня не привечают, а если меня где-то не привечают, то в жизни туда не вернусь!

Выходят, хлопнув дверью.

Лейди (*после паузы*). Зачем вы сюда пришли?

Кэрол. Кое-что передать.

Лейди. Мне?

Кэрол. Нет.

Лейди. Тогда кому?

Кэрол пару секунд мрачно смотрит на Лейди, затем переводит взгляд на Вэла.

Ему? Ему?

Кэрол чуть кивает.

Ладно, передавайте что нужно.

Кэрол. Это... очень личное. Можно мне поговорить с ним наедине?

Лейди снимает с крючка шаль.

Лейди. Ой, да ради бога! От плантации вашего брата десять минут езды на небесно-голубом «кадиллаке», подаренном ему богатенькой женой. Так вот, он едет сюда, но в магазин я его не впускаю. Я не хочу, чтобы он даже ручки дверной коснулся. Я знаю, что вы хотите передать, и парень этот знает, так что ничего личного в том нет. Только скажу, что парень этот не продается! Так, пойду на шоссе поджидать небесно-голубой «кадиллак». Как замечу его, распахну дверь и заору, и когда заору – чтобы вы пулей отсюда вылетели! Ясно вам?

ПРИМЕЧАНИЕ: Вышеозначенная сцена немного затянута, это можно исправить, играя ее живо и быстро. Также неплохо обозначить переход между сценой Лейди и Вэла и следующей групповой сценой.

Лейди хлопает за собой дверью. Грохот закрываемой двери усиливает наступающее молчание. Вэл ведет себя не то чтобы враждебно, но нарочито равнодушно. Это говорит о некоей отстраненности, а также о нежелании ввязываться в чужие проблемы. Он держит гитару с благоговейной сосредоточенностью и тихонько берет на ней аккорд. Девушка пристально смотрит на Вэла, тот высвистывает ноту и подтягивает струну, не глядя на девушку.

Поскольку за этой сценой следует эмоциональная сцена между Лейди и Дэвидом, ее нужно играть в более низкой тональности. Важно, чтобы Вэл не казался грубым по отношению к Кэрол, их диалог должен походить на разговор двух одиноких детей.

Вэл (негромко, занятый своим делом). Вы сказали моей нанимательнице, что хотите мне что-то передать, верно, мисс? И что же сказать хотите?

Кэрол (встает и нерешительно подходит к Вэлу. Он свистит и подтягивает струну). Вы просыпали пепел на новый синий костюм.

Вэл. Вы это хотели мне сказать?

Кэрол (отступая на шаг). Нет. Нет, это просто повод к вам прикоснуться. А передать хочу...

Вэл. Что?

Начинается гитарная музыка.

Кэрол. Что очень хотелось бы держать что-то в руках так же бережно, как вы держите гитару. Хотелось бы так же нежно и трепетно обнять вас! (*Роняет руку ему на колено, которым он опирается на табурет у стойки.*) Потому что вы – вы моя мечта!

Вэл. (*Отставляет гитару и делает шаг в ее сторону. Говорит с ней не грубо, а скорее недоверчиво оттого, что прошел долгий путь от романтического восторга от подобных признаний до постепенно развившегося неверия в них.*) Кого вы пытаетесь обдурить, кроме себя? К вам мужчина прижмется, так вы и рассыплетесь. (*Берет ее за руку и опускает рукав.*) Это что? Запястье с суставом? Больше похоже на веточку, которую я двумя пальцами сломаю... (*Небрежным, но аккуратным движением берет ее за воротник пальто и открывает шею. Проводит пальцем по вене.*) Девочка, да вы же вся прозрачная, я все жилки вижу. Придавит вас мужчина, так вы сломаетесь, как щепка...

Музыка медленно умолкает.

Кэрол (*пристально смотрит на него, пораженная таким отношением*). Забавно... И прямо в точку. Акт любви – это такая боль! И все же, я терплю и боль, и опасность, лишь бы уйти от одиночества хоть на несколько минут. А опасность в том, что родов я не вынесу.

Вэл. Ну тогда улетай, птичка, улетай, пока крылья не обломались. (*Снова занимается гитарой.*)

Кэрол. Почему я вам не по нутру?

Вэл (*оборачиваясь*). Мне все по нутру, пока не начнут лезть в душу.

Кэрол. А чем я вам дорожку перешла? Разве я стукнула кому, увидев на вас часы своего двоюродного брата?

Вэл (*начинает снимать часы*). Вы ни единому моему слову не поверите, но я вам всю правду сказал. Мне тридцать лет, и я завязал и с вашей компанией, и с заведениями, куда вы хаживаете. С клубом «Место встреч», баром «Свет звезд», «Музыкальной шкатулкой» и прочими ночными кабаками. Вот (*протягивает ей часы*), возьмите этот швейцарский хронометр, показывающий время, день недели, месяц и бредовые лунные фазы. До них я ничего не крал, а когда их украл, то понял, что мне пора завязывать, так что теперь верните их Берти... (*Берет ее за руку и пытается вложить часы ей в ладонь, стараясь разжать пальцы. Она плачет, но с яростью смотрит ему в глаза. Он шумно вдыхает и с силой пускает часы по полу.*) Вот мой ответ вам и всем, с кем вы там шуры-муры крутите!

Кэрол (*сбрасывая пальто*). Ни с кем я не кручу! Думала, с вами смогу закрутить... (*Музыка обрывается.*) Вы здесь в опасности, Змеиная Кожа. Вы сняли куртку, кричавшую: «Я вольный и одинокий!», и надели красивенькую синюю робу заключенного!.. Прошлой ночью я снова проснулась с мыслью о вас. Всю ночь гнала, чтобы предупредить вас об опасности... (*Прижимает к губам дрожащую руку.*) Хотела передать вам предупреждение! И надеялась, что вы меня услышите и дадите увезти себя отсюда, пока... пока еще не поздно.

Распахивается дверь. С криками вбегает Лейди.

Лейди. Там ваш брат идет, выметайтесь! Сюда я его не пушу!

Кэрол, всхлиывая, подбирает пальто и идет в кондитерскую. Вэл шагает к двери.

Заприте дверь! Не пускайте его в магазин!

Кэрол, всхлиывая, опускается на стул у столика. Лейди взбегает по лестнице на площадку, одновременно в магазин входит Дэвид Катрир. Это высокий мужчина в охотничьем костюме. Он почти так же красив, как и в молодости, но что-то исчезло. В его облике – сила пленника, командующего другими пленниками. В лице и во взгляде – та же отчаянная и неестественная жестокость, с которой Лейди воспринимает мир.

Дэвид. Кэрол?

Вэл. Она там. *(Кивает в сторону полутемной кондитерской, куда ушла девушка.)*

Дэвид *(идя в кондитерскую).* Кэрол!

Та поднимается и выходит на освещенную часть сцены.

Ты нарушила договор.

Кэрол чуть кивает, пристально глядя на Вэла.

(Резко.) Ладно, я отвезу тебя домой. Где твоё пальто?

Кэрол бормочет что-то нечленораздельное, пристально глядя на Вэла.

Где её пальто, где пальто моей сестры?

Вэл нагибается, поднимает уроненное Кэрол пальто и протягивает Дэвиду. Тот набрасывает его на плечи Кэрол и с силой толкает ее к входной двери. Вэл отходит в сторону.

Лейди *(внезапно и резко).* Подождите, пожалуйста!

Дэвид смотрит на площадку и замирает, когда Лейди сбегает вниз.

Дэвид *(тихо и хрипло).* Как... дела, Лейди?

Лейди *(поворачиваясь к Вэлу).* Вэл, выйдите.

Дэвид *(обращаясь к Кэрол).* Кэрол, подожди меня в машине.

Открывает дверь сестре, та оглядывается на Вэла с отчаянием во взгляде. Вэл быстро проходит через кондитерскую. Звук закрываемой двери. Кэрол легонько кивает, словно в ответ на мучительный вопрос, и выходит из магазина. Пауза.

Лейди. Я тебе однажды сказала, чтобы ты никогда здесь не появлялся.

Дэвид. Я за сестрой приехал... *(Поворачивается, словно собираясь уйти.)*

Лейди. Нет, обожди!

Дэвид. Боюсь сестру одну оставлять на дороге.

Лейди. Я должна тебе сказать то, чего раньше никогда не говорила. *(Подходит к нему. Дэвид поворачивается к ней, затем отступает в сторону.)* Тем летом, когда ты меня бросил, я носила под сердцем твоего ребенка.

Молчание.

Дэвид. Я... не знал.

Лейди. Нет-нет, я тебе не писала ни записки, ни письма – гордячка была, гордость имела. Но носила под сердцем твое дитя в то лето, когда ты меня бросил, когда вместе с виноградником сожгли отца, а ты, ты умыл руки и открестился от дочки итальяшки-бутлегера... *(Она задыхается и умолкает, яростно взмахивает рукой, стараясь продолжить.)* А потом... женился на... светской девице, которая отстроила твою родовую усадьбу и нарожала тебе... *(Переводит дух.)* ...здоровеньких детишек...

Дэвид. Я... не знал.

Лейди. Ну а вот теперь знаешь, теперь знаешь. Тем летом, когда ты меня бросил, я носила под сердцем твоего ребенка, но лишилась его, и вместе с ним из меня ушло сердце!

Дэвид. Я... не знал.

Лейди. Потом я хотела умереть, но смерть не приходит, когда ее зовешь! Тогда мне хотелось умереть, но я выбрала нечто вроде смерти. Ты себя продал. А я продала себя. Тебя купили, и меня купили. Ты нас обоих сделал продажными шлюхами!

Дэвид. Я... не знал.

Мандолина еле слышно наигрывает «Скажите, девушки, подружке вашей».

Лейди. Но все это было давно. Я отчего-то поехала туда вечером несколько дней назад – на берег озера, где был отцовский виноградник. Помнишь, помнишь виноградник моего отца?

Дэвид пристально смотрит на нее. Она отворачивается.

Не помнишь? Даже этого не помнишь?

Дэвид. Лейди, я... другого ничего и не помню...

Лейди. Как отец играл на мандолине, как мы с ним пели в винограднике?

Дэвид. Да, другого ничего и не помню...

Лейди. «Неблагодарное сердце»! «Словно роза»! Мы прятались, а отец все звал: «Лейди! Лейди!» *(Поворачивается.)* А как я могла ответить, когда мы целовались! *(Резко и шумно вдыхает, глаза широко раскрыты, ладонь прижата ко рту, словно она сказала нечто невыносимое. Дэвид резко отворачивается.)*

Музыка обрывается. Джейб начинает звать ее стуком в пол второго этажа. Она проходит к лестнице, останавливается и оборачивается.

Я злопамятная! Больше никогда здесь не появляйся. А если тут объявится твоя оторва-сестра, пришли за ней кого-нибудь, только чтобы тебя здесь не было. Потому как я надеюсь, что меня больше никогда не пырнут ножом. *(Прижимает руку к груди, с трудом дыша.)*

Дэвид отворачивается, идет к двери. Она делает шаг в его сторону.

И не надо меня жалеть. Руки я не опустила. Магазином вот занимаюсь, там кондитерская, которая откроется весной, там все заново обустраивается, чтобы туда приходила молодежь, она будет напоминать...

Дэвид берет за ручку двери и замирает спиной к ней.

...отцовский виноградник и те вечера, когда попивали вино, когда у тебя было кое-что получше, чем вся остальная жизнь!

Дэвид. Лейди... это...

Лейди. Что?

Дэвид. ...это правда! *(Открывает дверь.)*

Лейди. А теперь уходи. Я просто хотела сказать, что жизнь моя еще не кончена.

Дэвид выходит, Джейб продолжает стучать. Лейди оцепенело стоит, пока в магазин тихонько не входит Вэл. Она не сразу замечает его возвращение и бормочет:

Какого же я дурака сваляла...

Вэл. Что?

Она подходит к лестнице.

Лейди. Я сваляла дурака!

Она натужно поднимается по ступенькам. Освещение медленно меняется, обозначая смену картин.

Картина вторая

В тот же день на закате. Вэл в магазине один, как будто собирается уходить. Закат огненный. Крупная рыхлая женщина открывает дверь и ошарашено останавливается. Это Ви Талботт.

Вэл *(оборачиваясь)*. Здравствуйте, миссис Талботт.

Ви. У меня что-то с глазами. Ничего не вижу.

Вэл *(подходя к ней)*. Позвольте я вам помогу. Наверное, когда вы ехали, солнце било вам в глаза. *(Подводит ее к стулу для примерки обуви справа от окна.)* Вот сюда присаживайтесь.

Ви. Спасибо... огромное.

Вэл. Не видел вас с того вечера, когда вы привели меня сюда спросить насчет работы.

Ви. К вам священник еще не приходил? Преподобный Тукер? Я взяла с него слово, что он зайдет. Я ему сказала, что вы у нас вновь прибывший и еще не приняты ни в одну церковь. Хотелось бы, чтобы вы ходили в нашу.

Вэл. Очень... любезно с вашей стороны.

Ви. В епископальную церковь Воскресения Господня.

Вэл. Угу.

Ви. Пожалуйста, разверните картину.

Вэл. Конечно. *(Срывает обертку с холста.)*

Ви. Это церковь Воскресения Господня. Я так ее себе воображаю. Знаете, Джейб и Лейди никогда не ходили в церковь. Я подумала, что картину надо бы повесить там, где Джейб видел бы ее, надеюсь, она поможет обратить беднягу-умирающего к Иисусу...

Вэл приставляет картину к стулу справа от прилавка, садится перед ей на корточки, долго и внимательно всматривается в нее. Ви нервно покашливает, встает, наклоняется поглядеть на холст, снова садится на место. Вэл тепло ей улыбается и снова поворачивается к картине.

Вэл *(наконец)*. А что это вот тут?

Ви. Шпиль.

Вэл. А-а... А разве он красный?

Ви. Ну... нет... но...

Вэл. А почему вы нарисовали его красным?

Ви. О, понимаете... *(Нервно и возбужденно смеется, словно ребенок.)* ...он таким предстал мне! Я пишу то, что мне является, а не то, что есть на самом деле. Внешность обманчива, и в сущности все не так, как видит глаз. Нужно обладать даром, чтобы видеть!

Вэл. Да. Даром. Даром, чтобы видеть... *(Поднимается и нарочито серьезно кивает.)*

Ви. Я пишу по видениям. Меня называют визионеркой.

Вэл. Гм-м.

Ви *(с застенчивой гордостью)*. Именно это так нравится газетчикам в Новом Орлеане и в Мемфисе. Они называют такой стиль примитивизмом, плодом видений. Одна из моих работ представлена на экспозиции музея в Одюбон-парке, там попросили прислать еще. Но я не могу выдавать их так быстро! Нужно дожидаться... видений. Нет, без... видений я писать не могу... Я без видений жить не могу!

Вэл. У вас всегда были видения?

Ви. Нет, только с тех пор, как я родилась. Я... *(Умолкает, пораженная абсурдностью своего ответа. Оба внезапно смеются, потом она принимается тараторить, ее огромная грудь вздымается от волнения, она вертится на стуле, жестикулируя стиснутыми руками.)* Я родилась в сорочке! Это вроде вуали, тонкая-тонкая такая паутинка на глазах. Она называется «сорочкой». Это знак того, что у человека будут видения, и они у меня были, были! *(Останавливается, чтобы перевести дух. Освещение ослабекает.)* Когда я была маленькой, умерла моя сестренка. Прожила всего сутки и умерла. Пришлось крестить ее в полночь, чтобы спасти ее душу.

Вэл. Угу. *(Садится напротив, внимательно слушает, улыбается.)*

Ви. В полночь пришел священник, а после обряда крещения подал мне чашу со святой водой и сказал: «Обязательно вылей ее на землю!» А я ослушалась. Я побоялась выйти на улицу в полночь, когда в доме... смерть! Проскользнула на кухню и вылила святую воду в раковину. Ударил гром! Раковина почернела, стала черная, как смоль!

В дверь входит шериф Талботт.

Шериф Талботт. Дорогая! Ты что здесь делаешь?

Ви. Разговариваю.

Шериф Талботт. Я на минутку зайду к Джейбу, а ты выходи и жди меня в машине. *(Поднимается по лестнице. Ви встает, берет в руки картину и идет к прилавку.)*

Ви. Ой, и говорю вам!.. С тех пор, как я начала писать, мой взгляд на мир переменился. Сама не могу объяснить, какое все другое.

Вэл. Не надо объяснять. Я понимаю, о чем вы. Пока вы не начали писать, все не имело смысла.

Ви. Что?.. Что не имело смысла?..

Вэл. Существование!

Ви *(медленно и тихо)*. Да... да, не имело... Существование не имело смысла... *(Кладет холст на лежащую на прилавке гитару и садится на стул.)*

Вэл *(встает и подходит к ней)*. Вы, жена окружного шерифа, живете в Двуречном графстве. Вы видели ужасные вещи.

Ви. Ужасные! Ужасные!

Вэл. Избиения!

Ви. Да!

Вэл. Линчевания!

Ви. Да!

Вэл. Разорванных на куски собаками сбежавших заключенных!

Она впервые в состоянии выразить свой ужас.

Ви. Спущенные с цепи псы!

Вэл. Да.

Ви. Рвали сбежавших заключенных!

Вэл. Да.

Ви. На куски...

Привстает и устало опускается на стул. Вэл смотрит вверх ее головы в полумрак магазина, взгляд его темнеет. Возможно, его речь звучит слишком четко. Стоит нивелировать этот эффект нерешительностью и паузами.

Вэл *(отступая на шаг)*. Ярость не всегда внезапна. Иногда она копится долго. Смерчи рождаются медленно. Порок... разьедает сердца людские... и гниют они постепенно...

Ви. Откуда вам?..

Вэл. ...известно? Сам видел и знаю!

Ви. Я тоже видела! Тоже знаю!

Вэл. Мы все это видели на представлении из первого ряда. *(Садится перед ней на корточки и касается лежащих на коленях рук. Ее дыхание становится прерывистым.)* И вот вы начали рисовать свои видения. Без плана, без навыка вы начали писать, словно Бог коснулся ваших пальцев. *(Медленно и нежно поднимает ее руки с коленей.)* Этими нежными женскими руками вы сотворили красоту в этой темной земле...

На лестничной площадке появляется шериф Талботт, он молча смотрит вниз.

Да, вы сотворили красоту! *(Со странной нежностью подносит ее руки к губам. Она охает.)*

Шериф Талботт *(кричит)*. Эй!

Ви, ахнув, вскакивает на ноги.

(Спускаясь по лестнице.) Хватит дурью маяться!

Вэл отходит в правый угол.

(Обращаясь к Ви.) Выходи и жди в машине. *(Пристально смотрит на Вэла, пока Ви, спотыкаясь, словно в забыты, не выходит на улицу. Через некоторое время.)* Джейб Торренс сказал мне, чтобы я хорошенько к тебе присмотрелся. *(Подходит к Вэлу.)* Ну вот я и присматриваюсь. *(Коротко кивает. Выходит из магазина. В магазине становится темно. Когда*

за Талботтом закрывается дверь, Вэл поднимает картину, заходит за прилавок и ставит ее на полку, затем берет гитару и садится на прилавок. Медленно гаснет свет, отмечая смену сцен, пока Вэл под гитару поет «Райские травы».)

Картина третья

Когда Вэл заканчивает петь, по лестнице спускается Лейди. Он встает и зажигает лампочку под зеленым абажуром.

Вэл. Долго же вы там.

Лейди. Я дала ему морфий. Он, наверное, умом повредился. Говорит мне жуткие вещи, будто бы я желаю ему смерти.

Вэл. А вы уверены, что не желаете?

Лейди. Я никому не желаю смерти. Смерть – это ужас, Вэл.

Пауза. Она медленно подходит к окну. Он берет гитару и идет к двери.

Вам нужно идти?

Вэл. Уже опаздываю.

Лейди. Куда опаздываете? У вас свидание?

Вэл. Нет...

Лейди. Тогда побудьте еще немного. Сыграйте что-нибудь. У меня нервы совсем расшатались...

Вэл возвращается к прилавку и прислоняется к нему. На фоне разговора гитару еле слышно.

Какого же я сегодня дурака сваляла перед...

Вэл. Братом той девушки?

Лейди. Да... всю гордость... растеряла...

Вэл. Его сестра сказала, что приехала сюда меня предупредить. Интересно, о чем?

Лейди (*сидясь на стул для примерки обуви*). Я ему наговорила такого, чего из гордости не надо было говорить...

Каждый из них говорит о своем. Тихо продолжает играть гитара.

Вэл. В последнее время я пару раз просыпался по ночам, сердце колотится, я ору, приходилось взять гитару, чтобы успокоиться... Почему-то не могу я привыкнуть к этому городку, неуютно мне тут, страшно, но... хочется остаться... (*Резко умолкает, слышен захлебывающийся лай собак.*)

Лейди. Это псов спустили с цепи, они гонятся за сбежавшим из тюрьмы...

Вэл. Беги, парень! Быстрее, братец! Если поймают, никогда тебе больше не бегать! Это... (*Берет гитару подмышку и подходит к двери.*) ...уж точно... (*Лай превращается в дикий вой.*) Та-ак... Взяли его псы... (*Пауза.*) Рвут на кусочки! (*Пауза. Лай продолжается. Звук выстрела. Вэл замирает, взявшись за дверную ручку, оглядывается на Лейди, кивает, открывает дверь. В сумерках воет ветер.*)

Лейди. Погодите!

Вэл. А?

Лейди. Вы где остановились?

Вэл. В смысле?

Лейди. Где ночуете?

Вэл. В мебелированных у шоссе.

Лейди. Вам там нравится?

Вэл. Угу.

Лейди. А чем?

Вэл. Там удобная кровать, плита с двумя конфорками, душ и холодильник.

Лейди. Сэкономить хотите?

Вэл. Никогда не умел экономить.

Лейди. Сумеете, если здесь останетесь.

Вэл. Это где?

Лейди. А вот тут.

Вэл. А где тут-то?

Лейди (*показывая на нишу*). Там, за занавеской.

Вэл. В примерочной?

Лейди. Там есть раскладушка, на которой спала сиделка, когда Джейбу сделали первую операцию. Рядом здесь есть ванная, найму сантехника, чтобы он поставил холодный и горячий душ! Сделаю так, что вам будет удобно... (*Встает, подходит к лестнице. Пауза. Вэл закрывает дверь и пристально смотрит на нее.*)

Вэл (*подходя к прилавку*). Не люблю быть... обязанным.

Лейди. Не будете обязанным, это вы мне одолжение сделаете. Мне будет спокойнее по ночам, если в доме кто-то есть. Да. А вам это ничего не будет стоить! Сможете сэкономить деньги, которые вы платите за жилье. Сколько отдаете? Десятку в неделю? Так за два-три месяца сэкономите столько, чтобы... (*Делает широкий круг рукой, издав короткий изумленный смешок.*) Идите взгляните, понравится вам или нет!..

Но Вэл не двигается, он, похоже, размышляет.

Лейди (*вздрагивая и обняв себя за плечи*). И куда здесь тепло уходит?

Вэл (*задумчиво*). Наверх уходит...

Лейди. Вам с собачьей температурой не холодно, так ведь? А я мерзну! Аж синеею вся!

Вэл. Да...

Ожидание становится для нее невыносимым.

Лейди. Ну так посмотрите комнатку, понравится вам там или нет?!

Вэл. Пойду посмотрю...

Он подходит к нише и скрывается за занавеской. Там зажигается свет, отчего занавеска с вычурным рисунком делается полупрозрачной: высвечивается золотое дерево с алыми плодами и белыми птицами. На улице ревет грузовик, по заиндевевшему окну проносятся всполохи света. Лейди громко ахает, достает из-под прилавка пол-литровую бутылку и бокал, ставит их на прилавок со звоном, от которого сначала испуганно вскрикивает, а затем смеется. Наливает жидкость в бокал и садится на стул справа от прилавка. Свет за занавеской гаснет, оттуда выходит Вэл. Лейди сидит неподвижно, не глядя на него; он неспешно возвращается, заходит за прилавок и ставит гитару на пол. Вид у него немного грустный, словно он испытал знакомое и ожидаемое разочарование. Он тихонько присаживается на край прилавка, берет бутылку и, задумчиво вздохнув, немного наливает себе. От холода громко скрипят половицы. Лейди внезапно спрашивает его хриплым голосом:

Лейди. Ну понравилась комнатка или?..

Вэл. Никогда в жизни не отказывался от чего-то дармового. Нравится мне там картина на стене. Известная картина, называется «Сентябрьское утро». Ха-ха! Может, мне под ней спать будет беспокойно. Наверное, свет придется включать, чтобы еще раз на нее взглянуть! Она там так съежилась от холода, что, может – ха-ха! – мне трудно будет заснуть...

Лейди. Ой, да с вашей собачьей температурой и владением собой вам для того, чтобы не спать, нужно гораздо больше!

Вэл. Я пошутил.

Лейди. Я тоже.

Вэл. Но вы же знаете, каково холостякам. Они по вечерам не только со своей тенью домой приходят.

Пауза. Лейди делает глоток.

Лейди. Вы туда к себе в мебелирашку девиц таскаете, да?

Вэл. Пока нет. Но хочется чувствовать себя в этом плане свободным. Это от прежней жизни, к которой я привык. В городах я всегда работал по ночам, а если работа ночная, то живешь словно в другом месте, не там, где живут работающие днем.

Лейди. Да, знаю... представляю...

Вэл. Работающие днем и работающие ночью живут в разных городах. Названия одинаковые, а города разные. Как день и ночь. Есть что-то дикое в этих краях, о чем знают лишь «ночные» люди...

Лейди. Да, знаю!

Вэл. Мне тридцать лет! Но сразу измениться нельзя, нужно...

Лейди. Время... да...

Короткая пауза, приводящая Лейди в замешательство. Вэл слезает с прилавка и обходит его кругом.

Вэл. Вы ко мне очень добры, Лейди. Зачем вы хотите, чтобы я оставался здесь?

Лейди (*вызывающе*). Я же сказала, зачем.

Вэл. Чтобы коротать ночи?

Лейди. Да! Чтобы, чтобы... сторожить по ночам магазин!

Вэл. Ночным сторожем берете?

Лейди. Да, ночным сторожем.

Вэл. Вам здесь страшновато одной?

Лейди. Естественно! Джейб спит с пистолетом под подушкой, но если в магазин кто-нибудь вломится, он не сможет встать, а мне останется лишь заорать! И кто меня услышит? Похоже, у ночной телефонистки какая-то сонная болезнь! А что это вы все выпрашиваете? И смотрите на меня так, будто я что-то замышляю... Добрые люди не перевелись. Вот даже я! (*Она напряженно сидит на стуле, поджав губы и закрыв глаза, дышит с громким присвистом из-за нервного напряжения.*)

Вэл. Понимаю, Лейди, но... Почему вы так сидите, словно аршин проглотили?

Лейди. Ха! (*Резкий смех. Она откидывается на спинку стула.*)

Вэл. Вы еще напряжены.

Лейди. Знаю.

Вэл. Расслабьтесь. (*Подходит ближе.*) Покажу вам кое-какие приемчики, которым меня научила одна дама-остеопат, она и меня вылечила.

Лейди. Какие приемчики?

Вэл. Как разминать суставы и кости, после чего расслабляешься, словно отпущенная струна. (*Огибает стул. Она смотрит на него.*) Вы мне доверяете или нет?

Лейди. Да, полностью доверяю, но...

Вэл. Ну тогда чуть подайтесь вперед, поднимите руки и сядьте боком.

Лейди выполняет указания.

Опустите голову. (*Вэл поворачивает ей голову и разминает шею.*) Теперь позвоночник, Лейди. (*Упирается коленом ей в поясницу и с силой надавливает на нее. Лейди резко и испуганно вскрикивает.*)

Лейди. Ха-ха! Звук такой, будто половицы от холода скрипят, ха-ха!

Вэл с облегчением вздыхает.

Вэл. Так лучше?

Лейди. О, да! Спасибо... большое...

Вэл (*поглаживая ей шею*). У вас кожа, будто шелк. И слишком светлая для итальянки.

Лейди. У нас в стране почти все думают, что итальянцы смуглые. Смуглые, но не все! Некоторые светленькие... очень светленькие... По папиной линии все были смуглые, а по маминой – светлые. Ха-ха!

Смех у нее бессмысленный. Вэл понимающе улыбается ей, а Лейди тараторит, чтобы скрыть смущение. Вэл отворачивается и устраивается на прилавке рядом с ней.

Сестра моей бабушки приехала сюда из Монте-Кассино, чтобы умереть в кругу родни. Но мне кажется, что люди всегда умирают в одиночестве... Рядом с родней или нет. Я тогда была маленькая и помню, что умирала она так долго, что мы почти забыли о ней... Она такая тихая была... Все в уголке сидела. Еще помню, что как-то раз спросила ее: «Бабушка Тереза, а что люди чувствуют, когда умирают?» Только ребенок мог такое спросить, ха-ха! Да, и помню, что она ответила: «Одиночество». По-моему, она жалела, что не осталась в Италии и не умерла в родных краях... *(Впервые смотрит ему в глаза после разговора о нише.)* Так, здесь есть ванная, приведу сантехника, чтобы провел горячий и холодный душ! Ну... *(Встает и неловко отходит от стула. Вэл, похоже, теряет к ней интерес.)* Пойду наверх, принесу чистое белье и постелю вам в нише.

Она поворачивается и быстро идет, почти бежит к лестнице. Вэл кажется погруженным в размышления, но как только Лейди уходит с лестничной площадки, он бормочет что-то себе под нос и подходит к кассе. Громко кашляет, чтобы заглушить звонок при ее открытии, хватает оттуда купюры и снова кашляет, чтобы заглушить звонок при закрытии кассы. Берет гитару и выходит из магазина. Лейди возвращается вниз со стопкой белья. В проеме незакрытой двери чернеет темнота. Лейди подходит к ней и выглядывает на улицу, вертя головой по сторонам. Затем влетает обратно, ругается по-итальянски, плечом или ногой захлопывает дверь и швыряет белье на прилавок. Внезапно бросается к кассе, со звоном открывает ее и обнаруживает пропажу. Яростно захлопывает кассу.

Ворюга! Ворюга!

Поворачивается к телефону, снимает трубку. Пару секунд держит ее в руке, затем с силой бросает на рычаг. В отчаянии бредет обратно к двери, открывает ее и всматривается в беззвездную ночь, пока не гаснет освещение сцены. Вступает музыка – гитарный блюз.

Картина четвертая

Позже тем же вечером. Немного пошатываясь, в магазин заходит Вэл с гитарой в руках, приближается к кассе и со звоном открывает ее. Отсчитывает из пачки купюр несколько штук, возвращает их в кассу, а остальное кладет в карман куртки из змеиной кожи. Внезапные шаги наверху, лестничная площадка освещается. Вэл быстро отходит от кассы, когда на площадке появляется Лейди в белом сатиновом халате. В руке у нее фонарик.

Лейди. Кто там?

Музыка умолкает.

Вэл. Я.

Лейди *(направляя на него луч фонарика)*. О господи, как вы меня напугали!

Вэл. Не ждали меня?

Лейди. Откуда мне было знать, что это вы вошли?

Вэл. А я-то думал, что вы мне комнату выделили.

Лейди. Вы же ушли, не сказав, нравится она вам или нет. *(Спускается по лестнице, не отводя от Вэла луча фонарика.)*

Вэл. Я никогда от чего-то дармового не отказывался.

Лейди. Ну может, что-то вы и сказали, так что я не знала, ждать вас или нет.

Вэл. А я думал, что вы приняли мои слова на веру.

Лейди. Я никогда ничего на веру не принимаю.

Вэл делает шаг к нише.

Погодите! Я спускаюсь... *(Спускается, светя ему в лицо фонариком.)*

Вэл. Вы мне глаза слепите.

Он смеется. Она продолжает светить фонариком. Он снова шагает к нише.

Лейди. Постель не постелена, потому что я вас не ждала.

Вэл. Ничего страшного.

Лейди. Я принесла белье, а вас и след простыл.

Вэл. Ну да...

Она берет белье с прилавка.

Дайте сюда. Я сам могу себе постелить. Завтра вам придется подыскать себе нового продавца. *(Берет у нее белье и идет к нише.)* Мне нынче вечером повезло. *(Показывает пачку денег.)*

Лейди. Эй-эй!

Он останавливается у занавески. Она подходит к кассе и зажигает лампочку под зеленым абажуром.

Вы только что кассу открывали?

Вэл. А почему вы спрашиваете?

Лейди. Мне показалось, что минуту назад я услышала, как она звякнула, потому и спустилась.

Вэл. В этом... белом атласном халатике?

Лейди. Вы только что кассу открывали?

Вэл. Интересно, кто же, кроме меня...

Лейди. Вы или не вы, но кто-то открывал! *(Открывает кассу и торопливо пересчитывает деньги. Ее всю трясет.)*

Вэл. Лейди, как это вы нынче вечером не заперли деньги в сейф?

Лейди. Иногда забываю.

Вэл. Очень опрометчиво.

Лейди. Зачем вы открывали кассу, когда вернулись?

Вэл. Нынче вечером я открывал ее дважды: перед уходом и когда вернулся. Позаимствовал там немного денег и вернул обратно, а остальное себе оставил. *(Показывает пачку купюр.)* Мне пять раз подряд двадцать одно выпадало. С таким выигрышем можно до лета отдыхать... *(Кладет деньги обратно в карман.)*

Лейди. Да там кот наплакал! Мне вас жалко.

Вэл. Жалко? Меня?

Лейди. Да, вас, потому что вам никто не сможет помочь. Меня тронула ваша... непохожесть, разговоры ваши необычные... О птичках без лапок, которым приходится спать на волнах ветра... И я сказала себе: «Этот парень – птичка без лапок, и ему приходится спать на волнах ветра». Мое глупое итальянское сердце размякло, и мне захотелось вам помочь... Вот ведь дура! Получила то, чего следовало ожидать. Вы меня обворовали, пока я была наверху и собирала вам белье для постели!

Вэл направляется к двери.

По-моему, даже разочарование в вас – сушая дурость.

Вэл *(останавливается и кладет белье на прилавок)*. Вы разочаровались во мне, а я – в вас.

Лейди *(выходя из-за прилавка)*. Чем это я вас разочаровала?

Вэл. Раньше за занавеской не было никакой раскладушки. Вы нарочно ее туда поставили.

Лейди. Была она там! Она сложенная за зеркалом стояла.

Вэл. Не стояла она ни за каким зеркалом, когда вы мне три раза сказали сходить и...

Лейди *(оборвав его)*. Я нарочно оставила деньги в кассе, чтобы выяснить, можно ли вам верить.

Вэл. Я же все вернул...

Лейди. Нет-нет-нет, нельзя вам доверять, сейчас я точно знаю, что нельзя. Я должна верить человеку, а иначе он мне не нужен.

Вэл. Хорошо, ладно. Рекомендаций я от вас не жду.

Лейди. Я вам дам рекомендацию. Скажу, что этот парень – жуткий трепач! Но не скажу, что честный и вкалывает. А добавлю, что ходит с оттяжкой и разговорами мозги пудрит, пока ручонками в кассе шарит.

Вэл. Я взял меньше, чем вы мне должны за работу.

Лейди. Только стрелки не переводите. Я вас насквозь вижу.

Вэл. Я вас тоже насквозь вижу, Лейди.

Лейди. И что же вы видите?

Вэл. Точно хотите, чтобы я сказал?

Лейди. Очень хочется услышать.

Вэл. Вижу женщину не первой молодости, соскучившуюся по мужской ласке, которая наняла первого встречного, чтобы тот выполнял двойную работу без оплаты за сверхурочные... То есть днем продавец, а ночью – жеребец, а еще...

Лейди. Господи, нет! Вы!.. *(Замахивается, словно хочет ударить его.)* Господи, нет!.. Вы, дешевый... *(С ругательствами бросается на него с кулаками. Вэл хватается за руки. Она несколько секунд борется с ним, затем, всхлиывая, бессильно опускается на стул. Вэл осторожно отпускает ее руки.)*

Вэл. Это естественно. Вам было... одиноко...

Лейди жалобно плачет, опершись на прилавок.

Лейди. Зачем вы вернулись?

Вэл. Положить обратно взятые из кассы деньги, чтобы вы не вспоминали меня как бесчестного и неблагодарного... *(Берет гитару и, мрачно кивая, шагает к двери. Лейди судорожно вдыхает, бросается к двери, опережает его и преграждает ему путь, широко раскинув руки.)*

Лейди. Нет, нет! Не уходи... Я не могу без тебя!!!

Он смотрит на нее пять секунд. Ее неподдельная страстность трогает его, он разворачивается и шагает к нише... Задерживая занавеску, он оглядывается на Лейди.

...Жить! Продолжать жить!

Начало гитарной музыки: «Любовная песня Лейди». Он задерживает занавеску и включает свет, отчего та становится полупрозрачной. Через щелку видно, как он садится с гитарой в руках. Лейди берет белье и идет к нише, у самого порога неуверенно замирает, борясь со смешанными чувствами, но тут Вэл начинает так нежно шептать слова песни, что Лейди все-таки отодвигает занавеску и заходит в нишу. Вэл мрачно смотрит на нее поверх гитары. Лейди задерживает занавеску. Вычурный рисунок – золотое дерево с белыми птицами и алыми плодами – подсвечивается горящей за занавеской лампочкой. Гитара тихонько играет несколько минут, музыка кончается, освещение медленно гаснет, пока подсвеченной не остается лишь занавеска на нише.

Занавес

Действие третье

Картина первая

Раннее утро. Страстная суббота. В нише горит свет. Полуодетый Вэл сидит на краю раскладушки и курит. Лейди сбегает вниз по лестнице, она задыхается, волосы у нее распущены, она в халате и тапочках.

Лейди (панически, резким шепотом). Вэл! Вэл, он спускается!

Вэл (хрипло, спросонья). Кто? Что?

Лейди. Джейб!

Вэл. Джейб?

Лейди. Клянусь тебе, он спускается!

Вэл. И что?

Лейди. Господи, вставай и одевайся! Эта чертова сиделка сказала ему, что он может спуститься и проверить, как идут дела! Хочешь, чтобы он застукал тебя полуодетым на раскладушке?

Вэл. А разве он не знает, что я здесь сплю?

Лейди. Никто об этом не знает, кроме нас с тобой.

Наверху слышны голоса.

О господи, они идут.

Сиделка Портер. Не спешите. Ступенька за ступенькой.

Медленные, шаркающие шаги по лестнице. Профессионально-гнусявое подбадривание сиделки.

Лейди (панически). Да надевай же рубашку и выходи!

Сиделка Портер. Вот так. Ступенька за ступенькой, ступенька за ступенькой, обопрись на мое плечо, и снова ступенька за ступенькой.

Вэл встает, еще не проснувшись окончательно. Лейди ахает и задергивает занавеску как раз в тот момент, когда на площадке показываются спускающиеся фигуры. Лейди дышит, как уставший бегун, когда пятится от ниши и улыбается натянутой улыбкой. Джейб и сиделка, мисс Портер, выходят на площадку, и в этот момент в разрывах туч появляется солнце. Их освещает яркий свет, бьющий в узкое окно на площадке. Вид у них причудливый и ужасающий: высокий мужчина в поношенном черном костюме, висящем на нем, как пустой мешок, со злобно горящими на желтом лице глазами, опирающийся на плечо коренастой невысокой женщины с ярко-розовыми или оранжевыми волосами в накрахмаленном белом халате и со слегка презрительным и сладким голосом медсестры, нанятой ухаживать за умирающим.

Сиделка Портер. Ой, только посмотрите, какое солнце яркое выглянуло.

Лейди. Мисс Портер, тут... тут внизу холодно.

Джейб. Что она сказала?

Сиделка Портер. Говорит, что внизу холодно.

Лейди. Тут... тут... еще прохладно, воздух не прогрелся!

Сиделка Портер. Он твердо решил спуститься, миссис Торренс.

Лейди. Знаю, но...

Сиделка Портер. Его упряжкой лошадей не удержать.

Джейб (обессиленно). Давайте... немного тут передохнем.

Лейди (с жаром). Да, отдохните там минутку!

Сиделка Портер. Хорошо, чуточку передохнем.

Они садятся на скамеечку под искусственной пальмой, на которую падает свет. Джейб пристально смотрит на свет, словно умирающий дикий зверь. Из ниши раздаются какие-то звуки. Чтобы их заглушить, Лейди издает испуганно-придушенные смехи, потирает руки, стоя у подножия лестницы, и притворно кашляет.

Джейб. Лейди, что случилось? Что это ты так разволновалась?

Лейди. Это прямо чудо какое-то.

Джейб. Что еще за чудо?

Лейди. Что ты вниз спускаешься.

Джейб. А ты думала, что больше уже не спущусь?

Лейди. Но не так скоро, не так скоро, Джейб! Мисс Портер, а вы думали, что он так быстро поправится?

Джейб встает.

Сиделка Портер. Готовы?

Джейб. Готов.

Сиделка Портер. Он просто молодец, миссис Торренс, постучите по дереву, чтобы не сглазить.

Лейди. Да, по дереву постучать, по дереву!

Она громко барабанит по прилавку костяшкам пальцев. Вэл неслышно выходит из ниши, когда сиделка и Джейб снова принимаются медленно и с шарканьем спускаться по ступеням.

(Отступая чуть назад.) Осторожно, не перестарайся. Ты же не хочешь, чтобы тебе снова стало хуже. Верно, мисс Портер?

Сиделка Портер. Ну я всегда стараюсь мобилизовать пациента.

Лейди *(резким шепотом Вэлу).* Кофе кипит, быстро сними с плиты этот чертов кофейник! *(Испуганным взмахом руки велит Вэлу зайти в нишу.)*

Джейб. С кем это ты говоришь, Лейди?

Лейди. С... с... с продавцом Вэлом! Велела... принести... тебе стул!

Джейб. А кто это?

Лейди. Вэл, Вэл, продавец, ты же его знаешь!

Джейб. Пока нет. Горю желанием познакомиться. Где он?

Лейди. Здесь, здесь, вот он!

Вэл выходит из ниши.

Джейб. Раненько он здесь.

Лейди. Кто рано встает, тому Бог подает.

Джейб. Верно. И где подачка?

Лейди *(громко).* Ха-ха!

Сиделка Портер. Осторожно! Шажок – ступенька, мистер Торренс.

Лейди. В Страстную субботу у нас больше всего покупателей, больше бывает только под Рождество, да и то не всегда! Так что я велела Вэлу прийти на полчаса пораньше.

Джейб спотыкается и неловко падает к подножию лестницы. Лейди визжит. Сиделка бросается к нему. Вэл подходит и ставит старика на ноги.

Вэл. Вот так, вот так.

Лейди. О господи.

Сиделка Портер. Ой-ой!

Джейб. Все нормально.

Сиделка Портер. Вы уверены?

Лейди. Уверен?

Джейб. Да пустите же! *(Шатаясь, подходит к прилавку, облачивается на него, тяжело дыша, и обводит всех суровым взглядом со злоеющей улыбкой на лице.)*

Лейди. Господи-господи!

Джейб. Так, значит, этот парень тут работает?

Лейди. Да, это тот самый продавец, которого я наняла для подмоги по магазину.

Джейб. И как, хорошо справляется?

Лейди. Отлично, отлично.

Джейб. Симпатичный какой. Женщины к нему небось сильно липнут.

Лейди. Старшекласницы после уроков слетаются сюда, как мухи на варенье!

Джейб. А женщины постарше? Они и есть настоящие покупательницы – с деньгами. Выбивают денежки из мужей, а потом швыряются ими! Какая у тебя зарплата, парень, сколько я тебе плачу?

Лейди. Двадцать два пятьдесят в неделю.

Джейб. Недорого он тебе обходится.

Вэл. И еще... коммиссионные.

Джейб. Коммиссионные?

Вэл. Один процент с продаж.

Джейб. Да? Да? Не знал.

Лейди. Я знала, что при нем торговля пойдет бойчее, и пошла.

Джейб. Еще бы.

Лейди. Вэл, подайте Джейбу стул, ему надо сесть.

Джейб. Нет, не хочу я садиться. Хочу посмотреть на новую кондитерскую.

Лейди. О, да-да! Взгляни! Вэл, Вэл, включите свет в кондитерской! Хочу, чтобы Джейб увидел, как я ее обустроила! И... очень этим горжусь!

Вэл проходит в кондитерскую и зажигает там свет. Включаются лампочки в арках, светится включенный музыкальный автомат.

Заходи и посмотри, Джейб. Мне есть, чем гордиться!

Он пару секунд пристально смотрит на Лейди, затем медленно шаркает в расцвеченную всеми цветами радуги кондитерскую. Лейди отходит в сторону. В тот же момент начинает играть паровой орган, его звуки неуклонно нарастают. Мисс Портер идет рядом с пациентом, поддерживая его под локоть.

Вэл (вернувшись к Лейди). Он прямо смерть ходячая.

Лейди (отстраняясь). Тише!

Вэл заходит за прилавок и стоит в тени.

Сиделка Портер. Красота какая.

Джейб. Да уж, чертовски красиво.

Сиделка Портер. Никогда ничего подобного не видела.

Джейб. И другие тоже.

Сиделка Портер (возвращаясь в магазин). Кто там все украсил?

Лейди (с вызовом). Я, причем сама!

Сиделка Портер. Кто бы мог подумать! Красиво, ничего не скажешь.

Паровой орган звучит громче.

Джейб (вернувшись в магазин). Там цирк приехал или карнавал у нас?

Лейди. Что-что?

Джейб. Похоже, цирковой орган там на шоссе.

Лейди. Никакой это не цирковой орган. Это реклама торжественного открытия кондитерской Торренс сегодня вечером!

Джейб. Как ты сказала?

Лейди. Это реклама открытия нашей кондитерской, об этом с утра объявляют в Глориэс Хилл, Сансете и Лионе. Иди скорее сюда, сам увидишь, они идут мимо магазина. *(Торопливо бежит к двери, распахивает ее, слышны приближающиеся звуки парового органа.)*

Джейб. Расторопная у меня жена, мисс Портер. И во сколько мне обойдется эта чертова музыка?

Лейди (почти истерически). Сам удивишься, как дешево. Почти даром!

Джейб. И почему это даром?

Лейди (закрывая дверь). Сущие гроши, за семь пятьдесят в час! И это три города в Двуречном графстве!

Музыка удаляется.

Джейб (со сдержанной яростью). Расторопная у меня жена, мисс Портер, разве нет? (Гасит свет в кондитерской.) Ее папаша-итальяшка такой же расторопный был, пока не сгорел.

Лейди ахает, словно ее ударили.

(Медленно расплываясь в уродливой улыбке.) Виноградник держал на северном берегу Лунного озера. А новая кондитерская чем-то его мне напоминает. Но однажды он ошибся, здорово ошибся, начав выпивку черномазым продавать. И мы его сожгли. Сожгли дом, сад и виноградник, а сам Италияшка сгорел, пытаюсь пожар потушить. (Отворачивается.) Пойду, пожалуй, наверх.

Лейди. Ты сказал «мы»?

Джейб. Закололо что-то у меня...

Сиделка Портер (беря его под руку). Ну идемте наверх.

Джейб. Да, наверх...

Идут к лестнице. Паровой орган играет громче.

Лейди (почти крича). Джейб, ты сказал «мы»? Ты сказал «мы сожгли»?

Джейб (останавливаясь у подножия лестницы и обернувшись). Да, я сказал «мы сожгли». Ты все правильно расслышала, Лейди.

Сиделка Портер. Ступенька за ступенькой, ступенька за ступенькой, не волнуйтесь.

Они медленно поднимаются по лестнице и скрываются из виду. Паровой орган проезжает вход в магазин, слышно [или видно] кричащего в мегафон клоуна.

Клоун. Не забудьте, ребята, нынче вечером торжественное открытие кондитерской Торренса, бесплатные напитки и призы, не забудьте, вечером торжественное открытие кондитерской!

Голос стихает. Джейб и сиделка доходят до площадки и скрываются из виду. Музыка парового органа постепенно удаляется. Сверху раздается хриплый крик. Оттуда сбегает сиделка Портер.

Сиделка Портер (кричит). У него кровь пошла, у него кровотечение! (Бежит к телефону.) Доктора Бьюкенена! (Поворачивается к Лейди.) У вашего мужа кровотечение!

Музыка парового органа по-прежнему слышна. Лейди, похоже, не слышит сиделку. Говорит Вэл:

Лейди. Слышал, что он сказал? Он сказал «мы», сказал «мы сожгли»... дом... виноградник... сад... Италияшка сгорел, туша пожар...

Свет на сцене меркнет, звуки органа стихают.

Картина вторая

На закате в тот же день. Вначале Вэл один. Он стоит неподвижно почти под авансценой в напряженной позе прислушивающегося к опасности дикого животного, голова его повернута, словно он смотрит влево поверх дома за пределы сцены, сосредоточенно нахмурившись. Через секунду он что-то резко бормочет себе под нос, расслабляется, достает сигарету и подходит к двери магазина, открывает ее и стоит, выглядывая на улицу. Недавно прошел дождь и скоро опять пойдет, но сейчас ясно, внезапно выглядывает яркое солнце, и в ту же

секунду вдалеке раздается хриплый женский крик ужаса и восторга. Крик повторяется, когда женщина приближается.

За окном появляется Ви Талботт, словно ослепшая и обезумевшая, одной рукой она прикрывает глаза, другой ощупывает окно, ища вход. Она ловит ртом воздух. Вэл делает шаг в сторону, берет ее под руку и помогает войти в магазин. На несколько секунд она прислоняется к двери, судорожно дыша в овальное стекло в ней, затем вскрикивает.

Ви. Меня... ослепило!

Вэл. Вы ничего не видите?

Ви. Нет... ничего.

Вэл (помогая ей присесть на табуретку у прилавка). Присядьте вот сюда, миссис Талботт.

Ви. Куда?

Вэл (осторожно подталкивая ее). Вот сюда.

Ви со стоном опускается на табуретку.

Что случилось, что у вас с глазами, миссис Талботт?

Ви (глубоко вздохнув). Видение, которого ждала и о котором молила всю жизнь!

Вэл. У вас было видение?

Ви. Я видела очи Спасителя! Они ослепили меня. (Подается вперед, страдальчески прижимая руку к глазам.) О-о-ой, они выжгли мне глаза!

Вэл. Откиньтесь чуть назад.

Ви. Глаза будто огнем жжет...

Вэл (двигаясь вправо). Принесу вам холодного на глаза.

Ви. Я знала, что видение случится, тому было много знаков!

Вэл (из кондитерской). Наверное, это страшный шок, когда является видение... (Он говорит тихо и серьезно, доставая из холодильника колотый лед и заворачивая его в платок.)

Ви (с детской наивностью подошедшему Вэлу). Мне казалось, что я увижу Спасителя вчера, в Страстную пятницу, как и надеялась. Но я ошиблась, я так... расстроилась. Пятница прошла, и ничего не случилось, ничего... но сегодня...

Вэл прикладывает платок ей к глазам.

...сегодня днем я как-то взяла себя в руки, вышла на улицу, чтобы помолиться в пустой церкви и поразмыслить о завтрашнем Воскресении Христовом. Я шла по дороге, думая о таинствах Пасхи, как вдруг пелена!.. (Она с содроганием произносит это слово.) ...будто спала с глаз моих! Свет, о какой свет! Никогда раньше не видела подобного сияния! Мои глаза будто бы иглами кольнуло!

Вэл. Свет?

Ви. Да, да, свет. Вы же знаете, что мы живем между светом и тенью, да, да, именно там, в мире света и тени...

Вэл. Да. В мире света и тени. (Кивает в знак полного понимания и согласия. Они похожи на двух детей, которые просто и незатейливо открыли смысл жизни, идя по сельской дороге.)

Ви. Мы живем в мире света и тени, и... теряемся...

В окно магазина смотрит какой-то человек.

Вэл. Да, они... смешиваются между собой...

Ви. Ну а затем... (Умолкает, вспоминая видение.) Я слышала раскат грома! Небеса! Разверзлись! И там, в разверзшихся небесах, я увидела, говорю вам, увидела два огромных сияющих ока воскресшего Иисуса Христа! Не распятого, а воскресшего! То есть распятого и затем воскресшего! Сверкающие очи воскресшего Христа! А потом огромная... (Поднимает руки и очерчивает большой круг, чтобы описать апокалиптическое волнение в атмосфере.) Его десница! Невидимая! Я не узрела его десницу! Но она меня коснулась... вот здесь! (Хватает руку Вэла и прижимает к своей огромной вздымающейся груди.)

Шериф Талботт (*яростно, появляясь в кондитерской*). Ви!

Она встает, сбрасывая с глаз платок со льдом. Резко ахает и, пошатываясь, пятится назад с взглядом, полным ужаса, восторга, испуга и веры.

Ви. Это ты!

Шериф Талботт. Ви!

Ви. Это ты!

Шериф Талботт (*приближаясь*). Ви!

Ви (*по слогам*). О-чи! (*Падает на колени, обняв руками Вэла. Тот подхватывает ее и поднимает. В окно магазина смотрят двое или трое мужчин.*)

Шериф Талботт (*отталкивая Вэла*). Отпусти ее, прочь руки от моей жены! (*Грубо хватая Ви и толкает к двери. Вэл делает шаг, чтобы ей помочь.*) Стоять. (*У двери Вэлу.*) Я еще вернусь.

Вэл. Я никуда не уйду.

Шериф Талботт (*Пёсику, выходя с Ви на улицу*). Пёсик, зайди внутрь с тем парнем.

Голос (*снаружи*). Шериф застукал его, когда он шуры-муры крутил с его женой.

Повтор: те же слова, другой голос вдалеке. Входит Пёсик Хэмма и молча становится у двери, пока на улице бубнят возбужденные голоса. Эту сцену нужно играть негромко, буднично, словно исполняется знакомый ритуал.

Вэл. Что вам нужно?

Пёсик не отвечает, а достает из кармана пружинный нож, выкидывает лезвие и отходит вправо. Входит Коротыш. За дверью слышны голоса.

Голоса (*за дверью*). Сукин сын спутался...

– Правильно, надо его...

– Прирезать сукиного...

Вэл. Что вам на...

Коротыш закрывает дверь и молча становится рядом, выкинув лезвие пружинного ножа. Вэл переводит взгляд с одного на другого.

Шесть часов. Магазин закрыт.

Мужчины усмеваются со звуками, похожими на шелест сухой листвы. Вэл шагает к двери, Талботт преграждает ему путь, Вэл замирает на месте.

Шериф Талботт. Парень, тебе же сказали – стоять.

Вэл. Я никуда... не уйду.

Шериф Талботт. Встань-ка вон туда, к свету.

Вэл. Куда?

Шериф Талботт. Вон туда. (*Показывает. Вэл заходит за прилавок.*) Хочу на тебя поглядеть, пока просматриваю фотографии разыскиваемых.

Вэл. Я не в розыске.

Шериф Талботт. Такого красавчика всегда кто-нибудь да разыскивает.

Мужчины усмеваются. Вэл стоит прямо под лампочкой с зеленым абажуром. Талботт перебирает вынутые из кармана фотографии.

Парень, какой у тебя рост?

Вэл. Никогда не мерил.

Шериф Талботт. А вес?

Вэл. Никогда не взвешивался.

Шериф Талботт. Шрамы и отметины на лице и теле имеются?

Вэл. Нет, сэр.

Шериф Талботт. Расстегни рубашку.

Вэл. Зачем? (*Не расстегивает.*)

Шериф Талботт. Расстегни ему рубашку, Пёсик.

Пёсик быстро выступает вперед и разрывает Вэлу рубашку до самого пояса. Вэл вырывается, мужчины наставляют на него ножи, он пятится назад.

Вот так хорошо, стой на месте, парень. Чем раньше занимался?

Коротыш присаживается на ступеньки.

Вэл. Раньше – это когда?

Шериф Талботт. До того, как сюда явился.

Вэл. Путешествовал и... Играл...

Шериф Талботт. Играл?

Пёсик (*приближаясь*). Во что?

Коротыш. С бабами играл?

Пёсик смеется.

Вэл. Нет. На гитаре играл... и пел.

Вэл касается лежащей на прилавке гитары.

Шериф Талботт. Дай-ка на нее взглянуть.

Вэл. Глядите, только не трогайте. Я никому не даю ее трогать, кроме музыкантов.

Мужчины подходят ближе.

Пёсик. Ты чего лыбишься, парень?

Коротыш. Не лыбится он, у него просто рот дергается, как лапка у подыхающей курицы.

Оба смеются.

Шериф Талботт. А что это там за надписи на гитаре?

Вэл. Автографы...

Шериф Талботт. Чьи?

Вэл. Музыкантов – умерших и живых.

Мужчины вслух читают написанные на гитаре имена: Бесси Смит, Ледбелли, Вуди Гартти, Джелли Ролл Мортон и др. Наклоняются поближе, продолжая наставлять на Вэла ножи. Пёсик берет гитару за гриф и тянет к себе. Внезапно Вэл с кошачьей ловкостью запрыгивает на прилавок. Бежит по нему, отбиваясь ногами от тянущихся за ним рук. На площадку сбегает сиделка Портер.

Сиделка Портер. Что тут происходит?

Шериф Талботт (*одновременно*). Стоять!

Хриплые крики Джейба сверху.

Сиделка Портер (*возбужденно, на одном дыхании*). Где миссис Торренс? У меня там тяжелобольной, а его жена исчезла.

Снова крики Джейба.

Я много больных повидала, но ни разу не сталкивалась с тем, чтобы жене не было никакого дела до...

Снова крики Джейба. Они смолкают, когда сиделка возвращается наверх.

Шериф Талботт (*заглушая сиделку*). Пёсик! Коротыш! Быстро отошли от прилавка. Поднимитесь-ка наверх, проведите Джейба. А я с этим парнем разберусь, давайте, давайте.

Коротыш. Пошли, Пёсик...

Они идут наверх. Вэл, тяжело дыша, стоит на прилавке.

Шериф Талботт. (*Садится на стул для примерки обуви у окна. В нем заметна какая-то странная конфузливая мягкость, когда, оказавшись наедине с Вэлом, он словно бы заметил в нем искреннюю натуру и на мгновение устыдился своей недавней садистской жестокости.*) Ладно, парень. Давай слезай с прилавка. Не трону я твою гитару.

Вэл спрыгивает с прилавка.

Но вот что я тебе скажу. Знаю я один округ, на границе которого висит огромный дорожный знак с надписью: «Черномазый, да не падут на тебя в этом округе лучи заходящего солнца». Только и всего, никаких угроз, просто надпись: «Черномазый, да не падут на тебя

в этом округе лучи заходящего солнца!» (*Хрипло смеется, встает и делает шаг в сторону Вэла.*) Так вот, сынок. Ты не черномазый, и округ у нас не тот. Просто хочу, чтобы ты представил себе дорожный знак: «Парень, да не падут на тебя в этом округе лучи восходящего солнца». Я сказал «восходящего», а не «заходящего», потому как до заката всего ничего осталось, и ты не успеешь собрать манатки. Однако мне кажется, что если ты и вправду так трепетно относишься к своему инструменту, то облегчишь мне работу, если завтра утром в нашем округе тебя не коснутся лучи восходящего солнца. Ясно тебе, парень?

Вэл, тяжело дыша, пристально смотрит на него с каменным лицом.

(Идет к двери.) Надеюсь, ясно. И я не люблю насилие. (У двери оглядывается и кивает Вэлу. Потом выходит на улицу в ярких лучах заката. Вдалеке лают собаки. Начало гитарной музыки «Блюз собачьего воя». Пауза, во время которой застывший Вэл нежно покачивает в руках гитару. Его отстраненный и озабоченный взгляд переходит в резкий легкий кивок. Он отдергивает занавеску у ниши, заходит внутрь и задергивает занавеску. Освещение меркнет, обозначая смену картин.)

Картина третья

Полчаса спустя. Освещение более схематичное, чем в предыдущих картинах. В магазине так темно, что ясно видны лишь вертикальные силуэты колонн, отдельные элементы пальмы на лестничной площадке и очертания бумажных виноградных лоз в кондитерской. Вид в огромном окне становится фоном для разворачивающегося действия. Порывы ветра со свистом гонят по небу тучи, в разрывах которых то появляется, то исчезает луна. Собаки в полицейском участке ведут себя беспокойно, то и дело слышится их лай. Фонарь за дверью время от времени выхватывает из темноты движущуюся с загадочной поспешностью человеческую фигуру, призывно выкликающую и манящую рукой, словно тень из подземного царства.

При поднятии занавеса или включении света сцена пуста, слышны спускающиеся по лестнице шаги, когда в магазин вбегают Долли и Бьюла и негромко зовут:

Долли. Пёсик?

Бьюла. Коротыш?

Ева Темпл (*появляясь на площадке и негромко заявляя повелительным тоном привилегированного лица, допущенного в больничную палату*). Мистер Биннингс и мистер Хэмма наверху у Джейба. (Затем на площадке показывается всхлипывающая Систер Темпл.) Сходи осторожнее, Систер.

Систер. Помоги-ка, я еле иду...

Ева не обращает внимания на ее просьбу и смотрит на женицин.

Бьюла. Кровотечение прекратилось?

Ева. Похоже на то... Систер, Систер, возьми же себя в руки, всем нам иногда приходится в жизни с этим сталкиваться.

Долли. Он без сознания?

Ева. Нет, кузен Джейб в сознании. Сиделка Портер говорит, что у него на удивление сильный пульс для человека, потерявшего столько крови. Конечно, ему сделали переливание.

Систер. Два.

Ева (*идя к Долли*). Да, и поставили капельницу с глюкозой. И он снова обрел силы, как по волшебству.

Бьюла. А она там?

Ева. Кто?

Бьюла. Лейди!

Ева. Нет! Последнее, что мы знаем – она недавно вошла в салон красоты в Глориэс Хилл.

Бьюла. Быть того не может.

Ева. А вы Систер спросите!

Систер. Она все-таки планирует...

Ева. Устроить торжественное открытие кондитерской. Включи-ка свет, вон там, Систер.
Систер идет, включает свет и уходит вправо. Освещается украшенная кондитерская. Долли и Бьюла восторженно ахают.

Конечно, это не нормально, это полное безумие, и ему нет оправдания! А когда она примерно час назад, в пять, звонила по телефону, то о Джейбе ничегошеньки не спросила, нет-нет, она о нем даже не обмолвилась. Поинтересовалась, доставили ли от Руби Лайтфут ящик виски. Да, прямо проорала и повесила трубку, прежде чем я смогла...

Бьюла (*заходя в кондитерскую*). А-а, вот теперь мне все понятно! Теперь ясно, чего она добивается! Электрическая луна, звезды из фольги и искусственные лозы. Выходит, она превратила этот залячик в виноградник своего папаши на Лунном озере!

Долли (*внезапно, усевшись на стул для примерки обуви*). Вон она, идет, идет!

Сестры Темпл скрываются в кондитерской, когда в магазин входит Лейди. На ней дождевик с капюшоном, в руках бумажный пакет с покупками и картонная коробка.

Лейди. Давайте, давайте, дамочки, у меня уши горят!

Бьюла (*выходя из кондитерской*). Лейди, ой, Лейди, Лейди...

Лейди. А что это так жалобно? (*Откидывает капюшон, глаза ее сверкают, ставит на прилавок пакет и коробку.*) Вэл? Вэл! Где мой продавец?

Долли качает головой.

Похоже, он в «Синей птице» ест шницель с жареной картошкой и капустным салатом за девяносто пять центов...

Звуки из кондитерской.

Кто там в кондитерской, это вы, Вэл?

Сестры Темпл выходят и величественно шествуют мимо нее.

Уходите, девушки?

Сестры выходят из магазина.

Да, ушли! (*Смеется и сбрасывает на прилавок дождевик. Под ним платье с глубоким вырезом, тройная нитка жемчуга и приколотый к корсажу букетик с лиловой шелковой лентой.*)

Бьюла (*грустно*). Сколько же мы знакомы, Лейди?

Лейди (*заходит за прилавок, распаковывает бумажные колпаки и свистки*). Давно, Бьюла. По-моему, вы помните, как мы приплыли сюда на сухогрузе из сицилийского Палермо через венесуэльский Каракас. У нас была шарманка и обезьянка, которую папа купил в Каракасе. Я тогда была росточком с ту самую обезьянку, ха-ха! Помните ее? Продавший ее папе мужик сказал, что обезьянка совсем молоденькая, но соврал, она была старушкой, еле чухалась, ха-ха-ха! Но хорошо одетая. (*Обходит прилавок справа.*) На ней был зеленый бархатный костюмчик и красная кепочка, которую она снимала и надевала, а в лапках держала бубен, который пускали по кругу, ха-ха-ха... Играла шарманка, а обезьянка танцевала под ярким солнцем, ха-ха! О, соле мио, да-да-да-да-а-а... (*Садится на стул у прилавка.*) Как-то раз она перетанцевала на ярком солнце, она ведь старенькая была, и хлопнулась замертво... А папа повернулся к зевакам, отвесил поклон и сказал: «Концерт окончен, обезьянка сдохла». Ха-ха!

Небольшая пауза. Затем Долли ядовито спрашивает:

Долли. Разве не удивительно, что Лейди такая стойкая?

Бьюла. Да-а, удивительно! Гм...

Лейди. А вот для меня концерт не окончен, и обезьянка еще не сдохла! (*Внезапно.*) Вэл, это вы, Вэл?

Кто-то, скрытый из виду, заходит в кондитерскую, от сквозняка громко звенят китайские колокольчики. Лейди бросается вперед, но замирает на бегу, когда появляется Кэрол. На ней пальто и белая матросская шапочка с опущенными полями, а также с названием корабля и датой – прошедшей или будущей, воспоминанием или чем-то ожидаемым.

Долли. Ну вот и ваша первая посетительница, Лейди.

Лейди (заходя за прилавок). Здесь закрыто, Кэрол.

Кэрол. Там, снаружи, большая вывеска: «Открытие сегодня!»

Лейди. А для вас она закрыта.

Кэрол. Мне придется тут немного побыть. Остановили мою машину, понимаете, у меня нет прав, у меня их отобрали, придется искать кого-нибудь, кто перевез бы меня через реку.

Лейди. Можете взять такси.

Кэрол. Я слышала, что тот парень, который у вас работает, сегодня уезжает, и я...

Лейди. Кто сказал, что он уезжает?

Кэрол. Шериф Талботт. Начальник полиции предложил мне попросить его перевезти меня через реку, потому что ему тоже в ту сторону.

Лейди. Кто-то вас очень сильно ввел в заблуждение!

Кэрол. А где он, что-то я его не вижу?

Лейди. Зачем вы сюда возвращаетесь и достаете этого парня? Вы ему неинтересны! И зачем ему нынче вечером уезжать?

Она выходит из-за прилавка, в это время открывается дверь.

Вэл, это вы, Вэл?

Через кондитерскую входит темнокожий колдун, что-то быстро бормоча и что-то сжимая в протянутой руке. Бьюла и Долли вылетают в дверь с возгласами отвращения.

Нет, не нужны твои амулеты, уходи!

Кэрол (приближаясь к колдуну). Дядюшка! Прокричи клич Чоктоу! Я тебе за это дам доллар.

Лейди ахает и отворачивается, взмахнув рукой. Темнокожий кивает, вытягивает морщинистую тонкую шею и издает череду лающих звуков, все более высоких и напряженно громких. Клич вызывает бурную реакцию. Бьюла и Долли выбегают из магазина. Лейди замирает, у нее перехватывает дыхание. Пёсик и Коротыши с резкими криками сбегают вниз по лестнице и выталкивают темнокожего на улицу, не обращая внимания на Лейди и на вскрикивания «Коротыши!» и «Пёсик!» на тротуаре. Вэл отдергивает занавеску на нише и выходит, словно вызванный кличем. Наверху, в комнате больного, слышны яростные, постепенно стихающие от изнеможения крики. Кэрол выходит на авансцену и говорит, обращаясь к зрителям и к себе:

Кэрол. Есть еще какая-то дикость в нашем краю! Он раньше был диким, тогда тут жили дикари и дикарки, и была в их сердцах какая-то дикая нежность друг к дружке. Но теперь наш край болен неоновыми огнями, болен тяжело, как и другие края. Я подожду на улице в машине. Это самая быстрая тачка во всем Двуречном графстве!

Выходит из магазина. Лейди смотрит на Вэла округленными глазами, в них немой вопрос. Рука ее прижата к горлу.

Лейди (с наигранной прямой). Ну что же ты за ней не идешь?

Вэл. Один приехал сюда, один и уеду. В попутчиках не нуждаюсь.

Лейди. Тогда надевай белую куртку. Ты мне нынче вечером понадобишься в кондитерской.

Вэл пристально смотрит на нее несколько секунд.

Шевелись, шевелись, хватит лодырничать! Через полчаса кино закончится, и все поедут к нам. Тебе еще нужно наколоть льда для мороженого и коктейлей!

Вэл (будто решив, что она спятила). Наколоть льда для мороженого и коктейлей?

Лейди. Да, и позвони Руби Лайтфут, скажи ей, что мне нужно еще с дюжину четвертинок виски. Оно хорошо с газировкой идет. Знаешь, как продавать выпивку из-под прилавка? Хорошо. За «крышу» надо будет заплатить. *(Ахает, хватается за низ груди.)* Но особо остерегайся продавать выпивку несовершеннолетним. Ни под каким видом. Если сомневаешься, требуй водительские права. Только родившимся раньше... Так, отнять двадцать один от... Ой, потом посчитаю. Эй, шевелись, шевелись, хватит в облаках витать!

Вэл *(кладя гитару на прилавок)*. Это ты в облаках витаешь, Лейди, а не я.

Лейди. Шевелись, сказано тебе, шевелись!

Вэл. Тебе какая шлея под хвост попала? Закинулась амфетаминчиком и залакировала черным кофе, чтобы полночи на ногах держаться? *(В его голосе – мягкая, почти нежная ирония, но он уже принял решение уехать, он уже мысленно снова в ночных барах среди доступных девиц и дешевых клоунов. Он стоит у прилавка, пока Лейди суетится. Когда Лейди бежит из кондитерской и обратно, он хватается за запястье, притягивает к себе и сжимает ей руки.)*

Лейди. Эй!

Вэл. Может, хватит дергаться, как сом на крючке?

Лейди. Иди надень белую куртку и...

Вэл. Сядь. Нам надо поговорить.

Лейди. Времени нет.

Вэл. Хочу с тобой кое-что обсудить.

Лейди. Не могу.

Вэл. Тебе сегодня нельзя открывать кондитерскую.

Лейди. Будь уверен на все сто, что открою!

Вэл. А я вот не уверен!

Лейди. А я вот уверена! Пусть и не на все сто, но я...

Вэл. Кто-то уверен, кто-то нет... *(Отпускает ее руки и грустно пожимает плечами.)*

Лейди. Ты что, не понимаешь? Там, наверху, тот, кто поджег виноградник моего отца, где я умерла, да-да, умерла. Там погибли три жизни – две рожденных и одна нерожденная... Это он заставил меня совершить убийство! *(Мгновенно замирает.)* И я хочу, чтобы он на пороге смерти увидел, что виноградник снова живет! Хочу, чтобы он услышал, как нынче вечером виноградник опять наполнится весельем! А ему недолго осталось. Это необходимо, и никакая сила на земле не сможет этому помешать. Черт подери, я даже сама этого не очень хочу, но это нужно, надо что-то сделать, чтобы с ним поквитаться, чтобы... чтобы... не дать ему одержать верх! Понимаешь? Просто чтобы не дать ему одержать верх! О, нет уж, во второй раз я не дам себя победить! *(Обнимает его.)* Спасибо, что ты рядом со мной... Да благословит тебя Господь за это... А теперь прошу тебя – иди и надень белую куртку...

Вэл смотрит на нее, словно колеблется между естественным движением души и тем, чему научила его жизнь с момента отъезда из Ведьминой заводи. Потом снова вздыхает, опять грустно пожимает плечами и идет в нишу, чтобы надеть куртку и достать из-под раскладушки холицовую котомку со своими пожитками. Лейди берет с прилавка бумажные колпаки и прочие карнавальные принадлежности, проходит в кондитерскую и расставляет их по столикам, потом возвращается, но замирает на месте, увидев выходящего из ниши Вэла в куртке из змеиной кожи и котомкой в руках.

Лейди. Это не белая куртка, на тебе куртка из змеиной кожи, в которой ты сюда приехал.

Вэл. В ней приехал, в ней и уеду.

Лейди. Ты сказал – «уеду»?

Вэл. Да, мэм, сказал «уеду». Осталось только утрясти дело с зарплатой.

Сбывается то, чего Лейди больше всего боялась. На корриде это называется «моментом истины», когда матадор идет прямо на бычьи рога, чтобы нанести последний и смертельный удар.

Лейди. Так... значит... смываешься, да?

Вэл. Я все собрал. Хочу успеть на автобус на юг.

Лейди. Ага, верю-верю. Не вертите мне вола, мистер. Она ждет тебя на улице в своей мощной тачке, и ты...

Внезапные шаги на лестнице. Они отшатываются в разные стороны. Вэл ставит котомку на пол, уходит в тень. На лестничной площадке появляется сиделка Портер.

Сиделка Портер. Миссис Торренс, это вы там?

Лейди (*подходя к подножию лестницы*). Да, я здесь. Уже вернулась.

Сиделка Портер. Можно попросить вас подняться и поговорить о мистере Торренсе?

Лейди (*кричит сиделке*). Минутку обождите, скоро приду! (*Наверху закрывается дверь. Лейди поворачивается к Вэлу.*) Так, ладно, мистер. Ты чего-то испугался, верно?

Вэл. Мне угрожали насилием, если я здесь останусь.

Лейди. Я плачу, много плачу, чтобы нас тут не трогали, это и тебя включает.

Вэл. Нет, мэм, мое время тут кончилось.

Лейди. Ты так говоришь, словно срок в тюрьме отсидел.

Вэл. Я застрял здесь дольше, чем думал, Лейди.

Лейди. Но как же я?

Вэл (*подходит к ней*). Я мог бы смыться еще до того, как ты вернулась в магазин, но хотелось сказать тебе то, чего я никому и никогда не говорил. Никому и никогда. (*Кладет руку ей на плечо.*) Я люблю тебя, Лейди, люблю по-настоящему! (*Целует ее.*) Буду ждать тебя за границей округа, просто назначь время и...

Лейди (*отстраняясь*). Ой, вот только не надо мне о любви заливать! Легко говорить «люблю-люблю!», когда за дверью ждет быстрый и бесплатный транспорт!

Вэл. Помнишь, что я тебе говорил в тот вечер, когда мы познакомились?

Лейди (*отходит вправо*). Да, ты много чего говорил. О собачьей температуре, и птичке без лапок, которой приходится спать на волнах ветра!

Вэл (*одновременно с ней*). Нет, не то, не то.

Лейди. Как ты любую женщину можешь покорить? Я тогда сказала «Ерунда!», а теперь беру свои слова обратно. А ведь можешь! Можешь вертеть женщиной, да так, чтобы втоптать ее в грязь, чтобы она и не пикнула!

Вэл. Я о том, что завязал с прошлым...

Лейди. И долго ты продержался на первой в жизни постоянной работе?

Вэл. Слишком, слишком долго!

Лейди. Четыре месяца и пять дней, мистер. Ладно! И сколько из заработанного ты взял?

Вэл. Я просил тебя выдавать мне только...

Лейди. Только на жизнь. Могу дать тебе полный отчет. Восемьдесят пять долларов, нет, девяносто! Это же курам на смех, мистер! А знаешь, сколько тебе причитается? Если, конечно, ты их получишь? Не надо ничего высчитывать, а все назубок помню. Причитается тебе пятьсот восемьдесят шесть долларов, это совсем не курам на смех, мистер. Однако... (*Переводит дух.*) Если попытаешься нынче вечером свалить, да еще не предупредив меня... То вообще ни черта не получишь! Ничегошеньки...

Кто-то горланит у двери справа: «Эй, у вас открыто?» Лейди бежит к двери и кричит: «Закрывается! Закрывается! Уходите!» Вэл идет к кассе. Лейди поворачивается к нему и ахает.

Ты хорошенько подумай, а не то я... Если кассу откроешь, то клянусь, я распахну дверь и заору: «Продавец магазин грабит!»

Вэл. Лейди...

Лейди (с яростью). Что?

Вэл. Ничего, ты...

Лейди. Чего-чего?

Вэл. ... не в себе. Я так уеду, без денег.

Лейди. Значит, ты меня не понял! Ты остаешься – с деньгами или без!

Вэл. Пожитки при мне. *(Поднимает с пола котомку. Лейди бросается и хватает в руки гитару.)*

Лейди. Тогда я поднимусь наверх и соберу свои пожитки! А это возьму как гарантию, что ты дождешься, пока я... *(Возвращается. Вэл ставит котомку на пол.)*

Вэл *(приближаясь к ней)*. Лейди, что ты...

Лейди *(отступая и замахиваясь гитарой)*. Не!..

Вэл. ... Делаешь...

Лейди. Не!..

Вэл. ...С моей гитарой?!

Лейди. Держу как гарантию, что пока я...

Вэл. Лейди, да ты с самого утра, как чумная!

Лейди. Дольше, гораздо дольше! Подержу при себе твою «подругу жизни», пока вещи собираю! Да-да! Соберу вещи и уйду! Если ты уходишь, то и я с тобой!

Вэл шагает к ней. Она заходит за прилавок.

Не веришь, да, не веришь? А что мне, по-твоему, еще делать? Что? Остаться в магазине, набитом бутылками и коробками, а ты уедешь далеко, быстро и далеко, без меня и... даже адреса не оставишь?!

Вэл. Я вышлю адрес... я напишу...

Лейди. Ой, спасибо, вот спасибо! И что, мне за занавеску с этим адресом идти? «Ой, дорогой мой адресок, обними меня, поцелуй, будь верен!» *(Издает жуткий сдавленный вскрик, прижимает ко рту кулак.)*

Он осторожно приближается, протянув руку к гитаре. Она отступает, закусив нижнюю губу и сверкая глазами. Раздается стук Джеймба наверху.

Стоять! Хочешь, чтобы я ее расколошматила?

Вэл. Он... стучит, зовет тебя...

Лейди. Знаю! Это Смерть меня зовет! Ты думаешь, я не слышу, как он колотит – тук, тук, тук? И вправду – звук такой, будто кости друг о дружку гремят... Спроси, каково мне было жить в обнимку со смертью, и я отвечу. У меня мурашки бежали по коже, когда он ко мне прикасался. Но я терпела. Похоже, мое сердце чувало, что обязательно придет тот, кто вытащит меня из этого ада. Это ты. И ты пришел. А теперь погляди на меня! Я снова живу! *(Судорожно всхлипывает, продолжает спокойнее и резче.)* Я больше не буду чахнуть в темноте! Уясни это себе, да покрепче. А теперь слушай! В этом магазине все твое, а не только зарплата, а все, что успела накопить Смерть! Но Смерть должна умереть, прежде чем мы уедем... Тоже дошло? Тогда надевай белую куртку! Сегодня торжественное открытие... *(Бросается в кондитерскую.)* ...кондитерской...

Вэл бежит за ней и хватается за руку. Она резко вырывается.

Только тронь меня, и я твою гитару расколошмачу! Разобью, если ты...

Быстрые шаги на лестнице.

О мисс Портер!

Рукой отталкивает Вэла. Тот уходит в нишу. Лейди ставит гитару у музыкального автомата. Сиделка Портер спускается по лестнице.

Сиделка Портер *(спускаясь и внимательно глядя по сторонам)*. Что-то долго вас не было.

Лейди *(отходя в сторону)*. Ну да, у меня масса... *(Задохнувшись, умолкает. Невидящим и злобным взглядом смотрит на каменное лицо сиделки.)*

Сиделка Портер. Масса чего?

Лейди. Дел масса... столько всего надо... (*Судорожно вздыхает, прижав к груди кулак.*)

Сиделка Портер. Мне послышалось, что вы только что на кого-то кричали, нет?

Лейди. Ах, да... Какой-то пьяный проезжающий разорался, что я ему выпивку не продала...

Сиделка Портер (*идя к двери*). Ага. Мистер Торренс принял снотворное и спит.

Лейди. Очень хорошо. (*Садится на стул для примерки обуви.*)

Сиделка Портер. В пять часов я сделала ему укол.

Лейди. Мисс Портер, а этот... морфий, он сердце не ослабляет?

Сиделка Портер. Постепенно – да.

Лейди. А сколько времени больные обычно его выдерживают?

Сиделка Портер. Это зависит от возраста больного и состояния сердца. А почему вы спрашиваете?

Лейди. Мисс Портер, а разве им не помогают... ну, в смысле?..

Сиделка Портер. В каком смысле, миссис Торренс?

Лейди. В смысле облегчить страдания?

Сиделка Портер. А, понимаю, о чем вы. (*Защелкивает сумочку.*) Понимаю, что вы имеете в виду. Но убийство есть убийство – вне зависимости от обстоятельств.

Лейди. Об убийстве никто не говорил.

Сиделка Портер. Вы сказали «облегчить страдания».

Лейди. Да, как люди милосердно облегчают страдания животного, когда оно...

Сиделка Портер. Человек и животное – не одно и то же, миссис Торренс. И я не подерживаю того, что называют...

Лейди (*заглушая ее*). Не читайте мне проповедь, мисс Портер, я просто хотела знать...

Сиделка Портер (*перебивая*). Я не читаю вам проповедь, а просто ответила на ваш вопрос. Если вам нужен кто-то для облегчения страданий вашего мужа...

Лейди (*вскакивая и заглушая ее*). Да как вы смеете!..

Сиделка Портер. Я вернусь в половине одиннадцатого.

Лейди. Не надо!

Сиделка Портер. Что?

Лейди (*заходя за прилавок*). Не возвращайтесь в половине одиннадцатого, вообще не возвращайтесь.

Сиделка Портер. От ухода меня всегда освобождает врач.

Лейди. А сейчас вас освобождает от ухода жена больного.

Сиделка Портер. Это надо будет обсудить с доктором Бьюкененом.

Лейди. Я сама ему позвоню. Вы мне не нравитесь. По-моему, вам не место в медицине, у вас глаза холодные. Мне кажется, вам нравится наблюдать, как человек страдает.

Сиделка Портер. Я знаю, почему вам мои глаза не нравятся. (*Защелкивает сумочку.*) Они вам не нравятся, потому что вы понимаете, что они видят все и вся.

Лейди. Что это вы так на меня пристально смотрите?

Сиделка Портер. Не на вас я смотрю, а на занавеску. За ней что-то горит, и дым идет! (*Шагает к нише.*) Ой!

Лейди (*хватая ее за руку*). Нет-нет, туда нельзя.

Сиделка Портер (*Грубо отталкивает ее и подходит к занавеске. Вэл встает с раскладушки, отдергивает занавеску и холодно смотрит на сиделку.*) Ах, простите! (*Поворачивается к Лейди.*) Как только я вас увидела в прошлую пятницу, когда мне поручили уход за этим больным, то сразу поняла, что вы беременны.

Лейди ахает.

А еще я поняла, увидев вашего мужа, что не от него. (*Величественно шествует к двери.*)

Лейди (*внезапно выкрикивает*). Спасибо, что сказали это, мои надежды оправдались!

Сиделка Портер. Похоже, у вас совсем не осталось стыда.

Лейди (*восторженно*). Нет, не осталось! А появилась... огромная радость!

Сиделка Портер (*ядовито*). Тогда почему бы вам не нанять паровой орган и клоуна, чтобы объявить об этом?

Лейди. Сделайте это за меня и избавьте от расходов. Объявите по всей округе!

Сиделка выходит. Вэл быстро подходит к двери и запирает ее. Потом шагает к Лейди.

Вэл. Это правда, что она сказала?

Лейди ошарашенно движется к прилавку, ее взгляд из ошарашенного становится изумленным. На прилавке кучей лежат серебряные и золотые бумажные колпаки вместе со свистками для открытия кондитерской.

Вэл (*хриплым шепотом*). Так она правду сказала или нет?

Лейди. Ты прямо как мальчишка перепуганный.

Вэл. Она же по всей округе раззвонит.

Пауза.

Лейди. Теперь иди, оставаться тут опасно. Возьми в кассе, сколько тебе причитается, и иди. Живо, живо, возьми ключи от моей машины, и езжай за реку, в другой округ. Ты исполнил то, для чего сюда приехал...

Вэл. Выходит... это правда?..

Лейди (*сидя на стул у прилавка*). Правда, как слово Божие! В моем теле жизнь, мое тело, засохшее дерево, снова расцветает! Ты дал мне жизнь, теперь иди же!

Он медленно наклоняется к ней, нежно берет ее сплетенные пальцы, подносит к губам и дышит на них, словно согревая. Она сидит очень прямо, напрягшись и глядя перед собой, будто ясновидящая.

Вэл. Почему ты мне раньше не сказала?

Лейди. Когда женщина долго была бездетной, как я, ей трудно поверить, что она еще сможет родить! У нас между домом и садом стояла небольшая смоковница. Она никогда не давала плодов, говорили, что она бесплодная. Шло время, проходила весна за весной, и она почти что стала... чахнуть... И вот как-то раз я увидела маленькую зеленую смокву на дереве, о котором говорили, что оно бесплодно! (*Сжимает в руках позолоченный бумажный свисток.*) Я побежала по саду и по винограднику с криками: «Ой, папа, на смоковнице смоквы появятся, смоквы появятся!» Казалось прямо чудом, что после десяти пустых весен маленькая смоковница даст плоды, и это надо было отметить! Я подбежала к шкафу, открыла коробку с елочными игрушками, вытащила оттуда стеклянные колокольчики, стеклянных птичек, сосульки и звездочки... И повесила их на деревце, все эти колокольчики, птичек, сосульки и звездочки, потому что деревце выиграло битву и принесет плоды! (*Восторженно встает.*)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.